

Матьяна Веденская

ЛУЧШИЙ
РОМАН
ОБ
ОТНОШЕНИЯХ
журнал
секреты

ВТО
МУЖСКОЙ МИР,
ПОДРУГА!
♡

Тираж книг достиг
1 000 000 экземпляров!

Татьяна Веденская

Это мужской мир, подруга!

«Автор»

2011

Веденская Т.

Это мужской мир, подруга! / Т. Веденская — «Автор», 2011

Ника не желала иметь такой семьи, какая была у родителей. Да и вообще семьи иметь не хотела, сколько женихов папа ни сватал. И мужчины в ней вызывали скорее досаду, чем интерес. В каждом она видела черты отца, человека грубого, авторитарного. Была бы ее воля, отменила бы институт брака, разрушающий женскую независимость. «Это мужской мир, подруга! И зависимость рано или поздно тебя коснется!» – могли бы сказать ей эмансипе со стажем. Ведь даже нечаянная любовь отменяет свободу!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Веденская

Это мужской мир, подруга!

Отдельная благодарность адвокату Карпову Андрею Михайловичу за помощь в подготовке книги

Глава 1

Мужчины, чтоб их!

Не любите ли вы свою работу так, как не люблю ее я? Я сижу в своем рабочем кресле, уставившись в экран монитора, и иногда потираю уставшие глаза подушечками пальцев. Верю, очень верю, что на свете есть люди, которые нашли свое призвание, дело жизни и прочая, прочая, но я лично работаю только из-за денег. Мне нужно на что-то жить, и, к сожалению, в нашем сумасшедшем мире я не смогла пока найти ничего лучше, чем этот серый стол в метр длиной, кресло с шатающимися подлокотниками и пыльный монитор. А еще наушники, такие большие и плотные, что даже зимой мне в них бывает жарко, потеют уши. Я занимаюсь этим, потому что у меня не было выбора. Не было каких-то иных опций, как говорят у нас в офисе. Я – одна из многих, офисный планктон. Меня зовут Ника Хрусталева, но широкую известность я приобрела как «оператор № 32185». Я отвечаю на звонки потребителей сотовой связи. Да-да, это именно я объясняю, как установить настройки WAP и как включается WiFi. Я отвечаю на тысячи вопросов в неделю, иногда вопросы простые, иногда сложные. Тогда я зову старшего консультанта. Иногда вопросы глупые, иногда приходится включать воображение. Только час назад один весьма раздраженный мужчина спросил меня (буквально):

– Ну и как эта хрень работает, а?

– Какая хрень? – попыталась аккуратно выяснить я.

Мужчина пояснил:

– Ну, вот эта!

– Я же не вижу вашу штуковину, – добавила я осторожно, стараясь сохранять положенный уставом и корпоративными требованиями тон. Как оператор сотовой сети, я обязана ласково, с улыбкой, с благожелательностью выяснять, что именно за хрень у вас в руках, почему она не работает и как сделать так, чтобы она работала.

– А вы бы хотели ее увидеть? – последовал немедленный ответ и невнятное хихиканье.

– Увидеть что? – опешила я.

Мужчина окончательно расхохотался и сдавленно прохрипел:

– Мою штуковину!

И так всегда. Нам звонят, чтобы просто поговорить, звонят, чтобы познакомиться. Тре-звонят в три часа ночи, чтобы просто поболтать о жизни (что, кстати, строжайше запрещено инструкцией). Любой звонок может быть идиотским, любой звонок может также оказаться проверочным. Поэтому, как бы ни была нелепа, оскорбительна, невразумительна, беспредметна и груба речь звонящего абонента, мы обязаны держаться ровно и по-деловому. Иногда это трудно. Но за это все-таки дают неплохие деньги. Зарплата позволяла мне вот уже почти год существовать в этом городе, жить самой по себе, своей собственной жизнью. Это было лучше всего!

И потом, я прекрасно понимала, что оператор сетевой связи – только начало. Мне почти двадцать три года, я в начале карьеры. Я упорна, настойчива, целеустремленна и, конечно, не буду вечно сидеть в этой дурацкой компании, иногда почти теряя рассудок от нелепости происходящего. Конечно, я буду двигаться вперед, как только увижу, что именно делать и как. А пока... поработаю.

Я хочу от жизни только одного: стоять на своих собственных ногах. Я больше не хочу ни от кого зависеть, никогда. Да, я все понимаю, деньги не приносят счастья, бла-бла-бла. Я не хочу счастья, я хочу свободы. А свободу вполне можно купить за деньги. Только деньги должны быть большие – это раз. И они должны быть именно твои – это два. Не мужа, не папы, не какого-то еще мужика, а твои личные деньги. Они дают право послать все к чертовой бабушке,

развернуться и уйти в неизвестном направлении, и не рыдать после этого посреди улицы, не зная, как жить дальше.

– Никеш, ты на обед пойдешь? – спросила меня соседка по каторге, снимая наушники и разминая затекшую спину. Я тоже потянулась в кресле. Звонков было вроде немного. По графику я должна была идти обедать через десять минут.

– Надо управляющего позвать, – сказала я и нажала кнопку. Через пару минут подошел руководитель смены Мерзляев, великий, потому что как-то очень выдавался и ввысь, и вширь, и ужасный, потому что... был ужасно мерзок, неопрятен и презирал женщин в целом и сотрудниц фирмы в частности. За все эти «достоинства» его за глаза звали «Мудвин», и он, кажется, знал об этом и страшно бесился.

– Чего надо? Опять с работы бежите, как тараканши? – скривился он, вглядываясь в график на нашей стене. – Хрусталева, ты только через десять минут идешь.

– Я бы с Машей пошла! За компанию.

– Вдвоем вы будете обедать в два раза дольше, – фыркнул он. И добавил, ослабившись: – Сначала одна будет трещать, а другая трескать, а потом наоборот – одна трескать, другая трещать.

– Мы уложимся, мы быстро, – пробормотала Машка, хмурясь. Я знала, как она мечтает плюнуть Мудвину в рожу. Хоть раз. Обещала, что, если соберется увольняться, обязательно это сделает. Обязательно плюнет, и не только ему. Но, насколько мне известно, Маша работает в нашей конторе вот уже пять лет. Что ни говори, а стабильность притягивает к рабочему месту круче кандалов.

– Нет уж. Знаю я ваши «уложимся». Только по графику! – Он кричал на нас и, кажется, брызгал слюной. Из рта неприятно пахло.

– Да пожалуйста! – рявкнула Маша и с грохотом шарахнула стулом об стол. Я осталась и все эти пресловутые десять минут лазила в Интернете. Принципиально. Если этому жирному женоненавистнику жалко дать людям десять минут нормальной жизни, я буду отвечать адекватно. Правда, вряд ли мой браузер мог хоть как-то повредить Мудвину. И хотя я за эти десять минут не приняла ни одного звонка, день был все-таки подпорчен, и работать не хотелось. Но звонки сменяли друг друга, голоса в моей голове иногда начинали звучать даже сами по себе. После обеда желание трудиться окончательно пропало, хотя должно быть, казалось бы, наоборот. Поел, сил набрался и снова в бой! Впрочем, кого я обманываю. Я же не ем ни черта. Сегодняшний мой обед состоял из шоколадки «Вдохновение», но оно почему-то не пришло ко мне после нее. Наверное, потому, что шоколадка на вкус оказалась соевой и какой-то не совсем шоколадной. Работать было тяжело.

– Алло, алло! – закричала прямо мне в ухо предположительно пожилая женщина, заставив подпрыгнуть на стуле.

– Добрый день, оператор № 32185, Вероника, слушаю вас, – привычно оттарабанила я, переводя дух.

– Что? – удивилась женщина, в голосе отчетливо звучала растерянность. Эти «звонители» были еще хуже, чем грубые раздраженные мужчины. Бабули отнимали много, много времени. И ничего не хотели понимать. Я повторила:

– Добрый день, оператор № 32185, Вероника, слушаю вас.

– Ага. Комплект. Гарнитур. Он не подходит мне! Не налезает! – радостно сообщила дама, озадачив меня до крайности. Какой, интересно, комплект на нее не налезает? Нижнего белья? И тут я представила, что она, седовласая, полноватая дама лет шестидесяти, стоит перед зеркалом, скажем, в примерочной «Victoria's Secret», натягивает на себя тонкое, невидимое практически белье и решает вдруг (почему бы это?) посоветоваться со мной. Может, ей просто больше не с кем посоветоваться? Может, даже продавцы ушли куда-нибудь... на обед. Не всех

же клерков лишают обеда, как нас. Ну, и она набрала справочный номер в своем телефоне. Короткий и удобный.

– Не подходит? Возьмите другой гарнитур, – пожала плечами я.

– Что вы! – возмутилась дама. – Мне его сын дал. Я не могу другой. У меня и денег нет.

– А... – тут я затруднилась. Вряд ли речь все-таки идет о белье. Сын дал? Мою голову посетила другая идея, более масштабная. Гарнитуром могла оказаться мебель. А что, мебельный гарнитур, сын дал. Хороший сын. Только при чем тут я?

– Он шипит! – добавила дама, окончательно поставив меня в тупик.

– Ваш гарнитур шипит? – искренне удивилась я, а в ответ выслушала пространный рассказ, что гарнитур, наверное, из Китая, вот и шипит. И что вообще пора уже и меру знать, такие гарнитурки людям совать. Я в шоке тарасилась вокруг себя и вдруг заметила, как Машка ржет, глядя на меня с соседнего кресла. Я жестами дала ей понять, что разговариваю с лицом, имеющим психические отклонения, а она (продолжая хохотать) написала что-то на желтом стикере и сунула мне.

– Что? – Я взяла бумажку. На ней было написано: «Гарнитура!» И последнее «А» было жирно обведено. Да, ситуация разъяснилась.

– Вы имеете в виду гарнитуру?

– Нет! – категорически возразила дама. – Гарнитур. Он не... как это?... не контится с вашим дурацким телефоном, – презрительно добавила она.

– Не коннектится?

– Все равно! – Она вздохнула и начала немного успокаиваться.

Что тут сказать? Современный русский язык – большое испытание для многих. У всех свои представления о правилах нового русского языка. Как правильно писать по-русски: гаджет или гаджит? Покажите мне тот словарь, где это будет разъяснено. И в представлении моей «звонительницы» в русском языке такого слова, как «гарнитура», просто не существовало. Что ж, всем нам случается ошибаться. Я разобралась с ее Blue Tooth гарнитурой (на этом слове она вообще замолчала и стала шумно сопеть), кое-как объяснила ей, что он сам собой с телефоном не соединится. Что надо и в телефоне кое-куда нажать. Минут десять мы выясняли, какой марки у нее телефон, ползали по меню, и когда она наконец меня отпустила, я уронила голову на стол и сделала вид, что стучу лбом по столешнице.

– Что, достали?

– Гарнитур! Не налезает! – простила я.

– Бывает, – хмыкнула Машка и добавила, что у нее вчера спросили, есть ли у нас *интернет*-магазин, а после того как она продиктовала виртуальный адрес, уточнили, на каком же это будет метро.

– Словно с другой планеты! – хихикнула я, но тут в моей трубке снова раздался характерный гудок. До самого конца рабочего дня я чирикала, как настоящий соловей, и когда совсем уже было собралась пойти домой, меня вдруг неожиданно вызвал к себе в кабинет Мудвин.

– А зачем? – ляпнула я, услышав в трубке это странное «зайди ко мне». Мы к ним, к небожителям, не заходили в кабинеты. Мы вообще не были туда особо допущены. В калашный-то ряд! Вы что?! Осквернить дирекцию! Так что мой вопрос был вполне уместен по содержанию, хоть и не совсем – по форме.

– Зайди немедленно! – рявкнул Мудвин, как водится, обращаясь ко мне на «ты», хотя мы с ним на брудершafft не выпивали. Что поделаешь – хамская натура. Чего еще от него можно ожидать, от животного? Оказалось, что многого.

– Хрусталева? Это ты? – спросил он, глядя на меня со своего большого и удобного (без шатающихся подлокотников) кресла.

– Ну... давайте прикинем вместе, – начала было я, но тут же прикусила язычок. Мудвин хмурился и смотрел на меня недобро, шутки не оценил.

– Что же это делается! – сощурился он. – Ты что же, забыла о правилах поведения при проведении телефонных переговоров с клиентами?

– Я? – ахнула я и немного занервничала. При таком количестве разговоров в день всего, конечно, не упомнишь и вообще со всеми этими правилами свихнешься. Но вроде бы я ничего такого не нарушала.

– Теперь ты что, оглохла? Ни мозгов, ни слуха? – рявкнул Мудвин и встал или, правильнее сказать, возвысился над столом. Положение наше сразу стало неравным. Я сидела на низком хлипком стульчике и смотрела на Мудвина снизу вверх. Телосложение мое было таково, что три меня могли спокойно влезть в одного Мерзляева. Он был, как я уже сказала, мужчина весомых достоинств, кушал с аппетитом, вел сидячий образ жизни (и, наверное, даже лежащий, так как в кабинете у него имелся диванчик и телевизор). А я шаталась на ветру, даже замотанная в большой вязаный свитер, без которого в нашем переохлажденном кондиционерами офисе я постоянно мерзла даже летом. Правда, росту я была приличного, но, когда сидишь на стуле, это не слишком заметно. В общем, я смотрела на него, а он уперся руками в стол и продолжал на меня орать.

– Думаешь, я на тебя управу не найду? Думаешь, можно хамить клиентам?

– Что? – вытаращилась на него я и побледнела. Хамство у нас в офисе было под строжайшим запретом. Хамство у нас являлось чуть ли не немедленным поводом к увольнению. Мы были хоть и офисный планктон, но также и лицо фирмы. С нас люди начинают формировать представление о корпорации. И если это представление будет негативным, то к чему все вложенные в рекламу миллионы, к чему улыбающиеся картинки на каждом перекрестке. Такими или примерно такими лозунгами нас пичкали без меры на каждой летучке, заодно поясняя, что никакое поведение клиента не может оправдать даже раздраженного тона. Короче, наши операторы, даже если клиенты посылали их матом или допускали высказывания любой степени неприличия, оставались любезны и милы.

– А то! – хрюкнул Мудвин. – Хамила. Матом.

– Нет, я не хамила. Матом тем более, – мотала головой я.

– А ты все всегда помнишь, Хрусталева, да? Что у нас, все ходы записаны? – язвительно бросил Мерзляев, ослабившись.

– Ходы?

– Разговоры. Все разговоры записываются. И прослушиваются.

– Ну, хорошо. И что же там? Я никогда не хамила по телефону, – продолжала я отстаивать себя.

– А я говорю – хамила. Я говорю, что ты на три буквы послала клиента, потому что тот, видите ли, тебе не понравился.

– Да не было такого! – Я вскочила со своего почти детского стульчика и тоже уперлась кулаками в стол, при этом возвысившись чуть ли не на целую голову над Мудвином. Такое уж у меня было телосложение, такая конституция. Длинная жердь на двух ногах, скрюченная и завернутая в свитер. Мой папочка любил называть меня ласково «мечта бультерьера». В смысле, я, по его мнению, была именно тем, на что положено бросаться собакам, – то есть костями.

– А я говорю, что хамила. У меня и запись есть, – сощурился он. И как-то очень нехорошо улыбнулся.

– Запись? Дайте послушать!

– Еще чего. Ты уже все послушала, когда по телефону говорила. И вообще, я считаю, что ты систематически грубишь клиентам.

– Ничего я не грублю.

– У тебя тон грубый. Нам не нужны тут дилетанты! – брызгал он слюной.

У меня создалось впечатление, что он вообще просто кривляется. Что происходит?

– Послушайте, э... – Я вдруг поняла, что не помню, как его зовут. За весь этот год я так редко с ним общалась, сознательно избегая всяческого контакта, что не имела никакой необходимости запоминать его имя и тем более отчество. Не называть же его в разговоре «Мудвин». Чревато.

– Что? Ну что еще ты можешь сказать в свое оправдание?

– Я не понимаю. Все же было нормально.

– Я за тобой следил. Слежу, – поправился он. – Внимательнейшим образом. Ты не соответствуешь.

– Да почему? – чуть не расплакалась я. Такой наезд не предвещал ничего хорошего. Я решительно не понимала, с чего все началось, но Мудвин явно пытался меня уволить. Только этого мне и не хватало. Не так-то просто найти работу, когда тебе двадцать три года (почти), ты не уверена в себе, не очень-то умеешь ладить с живыми (не телефонными) людьми (особенно мужчинами) и имеешь никому не нужный диплом историка. А мне за комнату платить, мне деньги копить. Нужно двигаться вперед, а увольнение – это явный шаг назад. И главное, с чего бы? Нет, нельзя дать ему себя уволить. Ни за что.

– Ты не умеешь улыбаться по телефону. Ты слишком серьезна. И иногда издеваешься над клиентами.

– Что вы, никогда!

– Ты хочешь сказать, что я, как начальник, мелю тут чушь? Я что, по-твоему, ошибаюсь? Или я, может, вообще придумал все сам? Или я плохой руководитель? – снова распалился он. Этими вопросами я была поставлена в окончательный тупик. Да, конечно, я считала, что он ошибается. И что он омерзительный руководитель. Так считала я и все тридцать человек в нашем операционном зале. Он был груб, неэтичен, бестактен. Он никогда ни в чьи проблемы не хотел вникать. Однажды я видела, как он заставил доработать смену до конца, минута в минуту, беременную девушку с головокружением. Но как я могла ответить на вопросы, поставленные передо мной, таким вот честным образом?

– Я... вас уважаю, – сказала я тихо, отведя глаза к окну. Ни черта я его не уважала.

– Да? Это уже лучше, – ухмыльнулся он и погладил себя по животу. Я краем глаза отметила, что у него на серой рубашке имеется большое пятно от кетчупа. Меня невольно передернуло.

– И что же делать? – пробормотала я, испытывая отвращение к самой себе. Вот почему я не могу сказать ему в лицо все, что я о нем думаю? Почему я вечно нахожусь в ловушке у мужчин, которые на меня кричат? Встала бы сейчас напротив него и громко так сказала:

– Я, многоуважаемый господин Мерзляев, считаю вас самым настоящим козлом. – И уволилась бы сама! Вот бы было здорово. Но... нет, я этого себе позволить не могла никак. Мне нужно было работать, чтобы хотя бы дома не слышать ни одного мужского голоса с командной интонацией. Мне нужно было продолжать держаться на своих длинных тощих ногах.

– Я даже не знаю, Хрусталева, что с тобой делать. Твое поведение недопустимо. Надо либо срочно что-то менять, либо мне придется тебя уволить. Ты меня понимаешь?

– Да, понимаю. Но что же делать? Может, мне на какие-нибудь курсы пойти? Вы можете мне более точно сказать, что именно вас во мне не устраивает? – продолжала лебезить я. Брр!

– Ну конечно, – внезапно сменил гнев на милость он. – Я могу тебе это сказать. И даже показать. Вот ты всегда какая-то колючая. Как кактус какой-то. Люди хотят, чтобы им были рады. Чтобы их приняли в нашей компании с распростертыми объятиями. А ты замкнутая, закрытая.

– Я понимаю, да, – трясла головой я. – Я буду открываться.

– Вот ты горбишься... – продолжил он, при этом вышел из-за стола, налил себе немного «Перье» и присел на свой кожаный диванчик. Я продолжала стоять, даже не подумав выпрямить свою сутулую спину. Какое вообще ему дело? Манеры моего поведения – вообще-то, мое

личное дело, до тех пор пока моей сутулости не видно сквозь телефонный эфир. Но я промолчала. Сутулилась я прилично, инстинктивно пытаюсь как-то сравняться ростом с окружающими людьми. Я вообще всегда старалась оставаться как можно незаметнее, что не вполне мне удавалось.

– Давай-ка присядем, – подобрел Мудвин и похлопал своей толстой рукой по диванной подушке. – Я, ты ведь пойми, зла-то тебе не желаю. Мне только и надо, чтобы все шло хорошо. Работа должна быть для тебя на первом месте, понимаешь? Это ведь отличная работа, у нас тут, как ты знаешь, есть все возможности для развития, для карьерного роста. Ты же ведь не планируешь тут оставаться оператором всю жизнь.

– Нет, конечно, – согласилась я и тут же об этом пожалела. Вдруг этот слизняк подумает, что я хищно мечу на его место. В принципе, я была бы не против занять его место. Если быть до конца честной, даже его место не могло бы устроить меня полностью. Я пока не знала еще, что нужно, чтобы повернуть к себе свое будущее, как избушку из сказки, к другим задом, к себе передом, но точно знала, что погонщиком несчастных операторов не хочу быть. Это и деньги были не те, и работа скучная, без интересных задач. Но главным образом все-таки деньги. Что он зарабатывает, Мудвин? Мой отец назвал бы все его доходы «бульоном от яиц», водичкой, подачкой на бедность. И был бы прав.

– Вот и молодец, – растекся в еще более сладкой улыбке он. – Для тех, у кого есть амбициозные планы, в нашей корпорации открываются большие перспективы.

– Да, но... вы же сказали, что я работаю плохо.

– Да, – кивнул он и откинулся на диване. – Я сказал. Действительно, сейчас ты работаешь плохо. И я любому это в три минуты докажу. Но если ты будешь стараться...

– Я буду! – присела я рядом с Мудвином.

– Молодчина. Так вот, если ты будешь стараться и не станешь излишне заносчивой и гордой, то... все будет просто отлично! – заверил меня он. Я сидела с ним на его черном кожаном диване и чувствовала, что как-то неправильно все это. То ли он что-то недоговаривает, то ли я понимаю все не совсем верно... Что-то было не так. Мерзляев говорил и говорил что-то о том, как он лично восхищается мной, как много он мог бы сделать для моего будущего, если бы действительно понял, что из меня выйдет толк. А я все думала, что же это может быть за запись, где я матом (матом!) посылаю куда-то клиента. Меня – да – посылали. Я – уверена, что никогда. Мой отец в детстве бил меня по губам даже за такое слово, как «козел», хотя повторяла я его за ним самим. В общем, желание сквернословить у меня было выбито еще в младенческом возрасте самым жестоким образом. Так что на девяносто девять процентов я была уверена, что никакого такого разговора, никакой такой записи не имелось в природе. Что же тогда? Что происходит?

– Я буду больше улыбаться, – снова завершила его я и попыталась встать, чтобы все-таки прервать этот в высшей степени непонятный разговор.

– Подожди, я тебя еще не отпускал. – Мудвин резко дернул меня за руку, заставив сесть обратно. Я обомлела, не зная, как реагировать на это. Я, можно сказать, как-то примерзла попой к дивану, ощутив временный паралич всех конечностей – от изумления. Мерзляев продолжал держать меня за руку и как-то гадко на меня смотреть.

– Что вы...

– Не делай только вид, что ты не понимаешь, о чем я, – усмехнулся он. – Ты знаешь, сколько тут работает женщин?

– Вы что, пристааете ко мне?

– Ну ты же не против, да? Я не скрываю, ты мне очень нравишься. Ты такая... как модели. Стройная, длинная. Тебе только бы прическу поменять и... ну, эти... тени ваши.

– Я... Вы... – Слов практически не осталось. Минуту назад мир еще был более-менее приемлемым, с миром можно было хоть как-то мириться, как вдруг, за одну секунду все стало

невыносимым, омерзительным и страшным. Кровь прилила к лицу, я попыталась вырвать руку из его пухлых сосисок, но он силой удержал ее.

– Не надо только истерик. Ты же сказала, что хочешь нормально жить, да? Карьеры хочешь. А как, по твоему, карьера-то делается! Хочешь, я завтра же переведу тебя в старшие администраторы? Будешь отвечать только на звонки VIP. Хочешь? – Он говорил все быстрее и быстрее, но дело было даже не в том, что он говорил, а в том, что в это время делали его мерзкие грязные руки. Он хватал меня за коленки, норовил пробраться под свитер, который (какая хорошая вещь) оказался ему не по зубам (вернее, не по рукам). Слишком большой, мешковатый.

– Отпустите меня! – вскрикнула я, вырываясь.

– Не ори. Сдурела? – рявкнул он и попытался закрыть мне рот рукой. Я, соответственно, укусила его за ладонь. – Ай!

– Сейчас же отпусти меня, ты, слизняк! – закричала я, вскакивая.

– Дрянь! – крикнул он и в ответ залепил мне пощечину. Этого я никак не ожидала. То есть как раз это мне было отлично знакомо. Из таких вот криков и пощечин, а также дорогих подарков и извинений состояла вся долгая и мучительная жизнь моей матери. Я была отлично ознакомлена с правилами этой традиционной мужской забавы, только вот никак не ожидала столкнуться с этим тут, на этой копеечной, по сути, работе, в офисе. Если бы я хотела иметь дело с таким типом мужчин, мне бы было лучше остаться дома и спокойно наслаждаться мягкими диванами, шелковыми халатами и свежавыжатым соком. Но отработать год в этих наушниках, за этим столом, чтобы в конечном итоге прийти к тому же самому! Это был перебор. Я изо всех своих (незначительных, прямо скажем) сил рванула руку, параллельно пнув этого Мудвина острым носком своей туфли, по ноге.

– Стой, дура. Я все объясню! – крикнул он, пытаясь меня снова схватить.

– Объясняться будешь в милиции! – крикнула я в ответ и хлопнула дверью его кабинета. Дверь, кстати, чуть не слетела с петель.

Глава 2

Моя яблоня

Я выросла в нехорошей семье. Про кого-то могут сказать – она из очень хорошей семьи. Ко мне это было неприменимо, моя семья была очень нехорошей. При этом назвать ее неблагополучной тоже язык не поворачивается. Наша семья всегда была очень, очень благополучной. В смысле денег. Когда мамочка познакомилась с папочкой, тот работал в поте лица директором одного из крупных московских кладбищ. Помирали хорошо, работы было много, плюс, как мне кажется, папа никогда не ограничивался исключительно должностными полномочиями.

О папиной деятельности в нашем доме никогда не говорили вслух. Никто, кроме разве что его самого. Он громко хохотал и шутил на темы «сырой земли», а я всегда страшно пугалась. Все детство я думала, что мой папа водит дружбу с привидениями и лично может навести проклятия и порчу. В общем, считала, что отец, как говорится, «вась-вась» со всем загробным миром. Однако это было не так, не совсем так. Однажды после очередного громкого скандала мать, утирая слезы, сказала бабушке:

– Ненавижу его. Упырь проклятый, бандюга! Пусть сгорит в аду со всей своей бандитской швалью!

– Тсс! Ника тут, – зашипела на нее бабуля, увидев меня в дверном проеме. Так я узнала, что мой отец – бандит. Что это такое, я еще не понимала, но уже чувствовала, что на классном уроке в школе о папиной профессии рассказывать не стоит. Не космонавт.

В иных семьях имеются длинные и трогательные истории родительской любви, ухаживаний и свадебные альбомы. Мама с папой поженились только потому, что мама забеременела мной. Они прожили вместе лет семь после моего рождения, не сказать чтобы душа в душу, но... как-то жили. Пока папа не ушел от нас в первый раз. Причем ушел он как-то странно, невразумительно. Не было объяснений, не было скандала, сбора чемоданов и прочего, что происходит в приличных семьях, когда родители разводятся. В нашем случае мама несколько дней бегала по квартире взад-вперед, теребя поясик своего длинного шелкового халата, и пыталась выяснить, куда делся ее муж. Мобильников тогда еще не было, во всяком случае, массово их не использовали. Мама звонила на кладбище, там ей отвечали, что господин Хрусталев на переговорах и свяжется с ней позже. И он действительно связался. Позвонил из сауны.

– Знаешь, ты меня достала. Не звони мне больше! – сказал он ей и скрылся... на полгода. Видимо, ушел в длительный загул с запоем, связанный одновременно с появлением в его жизни новой секретарши и каким-то особенно удачным контрактом. В те годы мой папочка активно выходил за рамки своего кладбища, осваивал новые пространства, стремился расширить бизнес и обзавестись новыми знакомыми. По большому счету, и знакомые, и дела далеко выходили за пределы Уголовного кодекса.

Через полгода папаша объявился с виноватым лицом, сказал, что был в чем-то не прав, погорячился. И что семья – это святое, так что пусть мать не обижается. Для верности он, конечно, подарил ей шубу и отвез нас на Тенерифе на пару недель. Там у родителей был второй медовый месяц. А вернувшись на Родину, папаша снова принялся за старое. Зарабатывал грязные, но огромные по тем меркам деньги, пропадал где-то неделями, приезжал домой неожиданно, посреди ночи, пьяный, иногда даже не один, а в компании каких-то девиц.

– Тут же живет твоя дочь! Как ты можешь так вести себя? – тихо возмущалась живущая с нами (из чистой папиной милости) бабушка.

– Вот именно – дочь. Одни бабы кругом! Хоть бы кто мне сына родил! – отвечал он. Нет, ничего не могу сказать, папа по-своему меня любил. И маму, наверное, тоже, раз за столько лет все-таки не ушел насовсем, не бросил ее одну, не лишил довольствия и пропитания. Нет,

не лишил. Наоборот, когда мне было лет двенадцать, мы переехали в невероятно просторную четырехкомнатную квартиру, с бесконечным холлом и красными портьерами, на Мичуринском проспекте. Мы отдыхали на морях, бывали на каких-то лыжных курортах, совершали круизы по Средиземному морю, где маму страшно укачивало. Даже на курортах родители ругались, отец приставал к официанткам, забывал нас с мамой в номере, а однажды, когда мы поехали в Европу, выяснилось, что отец едет туда не только с нами, но и с какой-то крашеной рыжей шалавой ненамного старше меня. Шалава жила на том же этаже, что и мы, громко смеялась и не носила белья. Пыталась со мной дружить, от чего я приходила в ужас.

– Как я должна это объяснять людям? – вопила мать.

– Скажи, что она – твоя племянница, – рассмеялся отец. – Или оставайся, у меня нет желания ездить в этот Рим дважды, будь он неладен. Раз уж вы обе хотите одного и того же, извольте. Получите и распишитесь.

– Я не поеду! – заявила было мать, но Рим, но Венеция... Дома скучно, дома – зима. Короче, мы поехали. Мы всегда все делали так, как хотел отец. Маме было категорически запрещено работать – она не работала ни одного дня в жизни. И она должна была давать отчет за потраченные деньги, за каждый свой выход из дома. Я хотела танцевать в студии балльных танцев, отец запретил мне это категорически со словами: «Натрясешься еще в жизни задницей, я из тебя проститутку растить не собираюсь». Я хотела стать врачом, отец заставил меня пойти на исторический факультет в МГУ.

– Не позволю тебе копаться в трупях, – заявил он, отменяя все мои желания и мечты.

– Ты не должен такого говорить девочке! – иногда пыталась вступиться мама. Но редко. И безо всякого эффекта.

– Заткнись и не смей мне говорить, чего я должен, а чего нет. Сиди и вяжи носки, дура. Ишь, развыступалась. Давно я тебе макияж не портил! – отбрасывал ее отец, убивая всякое желание бороться. Когда я спрашивала маму, почему она все-таки живет с ним, ведь он ее не любит, она отвечала:

– Любит.

– Нет, не любит! – категорически не соглашалась я. – Он тобой владеет.

– Так уж проявляется его любовь.

– А ты, ты любишь его?

– Я не знаю.

– Почему ты не уйдешь от него?! – возмущалась я.

– О, ты моя девочка. Ты просто еще слишком молода и не понимаешь, как устроен этот мир. Куда я пойду? Кто я такая? Что я могу делать?

– Какая разница! Вы разведетесь, ты забереешь у него половину...

– У таких, как твой отец, ничего не забирают. И от таких, как он, не уходят, поверь. И потом, он не такой уж и плохой человек. С тобой он очень добр, смотри, сколько он всего для тебя делает. МГУ оплачивает, машину подарил. Разве плохо?

– То есть все-таки деньги – это главная причина? – Я продолжала тянуть из нее ответ. В моей голове все это не укладывалось в сколько-нибудь логическую систему. Вокруг много говорили о любви. Некоторые мои сокурсницы бегали с красными от недосыпа глазами и кричали, что никогда еще не были так счастливы. Но потом они же плакали, сыпали проклятиями и наконец выходили замуж за мальчиков из МГИМО или с экономического факультета нашего МГУ. Деньги выступали вперед, а любовь всегда как-то смазывалась и оседала, как ненужная гуща от кофе. Так что я хотела определенности. Уж моя-то мама должна была понимать, что все эти скандалы, крики и, пардон, периодический мордобой, все эти любовницы, истерики, эсэмэски на телефоне – словом, всю их семейную жизнь можно терпеть только из-за денег.

– Нет, почему? – возразила она, но как-то слабо, неубедительно.

– Но если бы у тебя были свои собственные деньги, ты бы продолжала с ним жить? – поставила я ее в угол. Я повзрослела, и такой порядок вещей, который был у нас в доме, меня не устраивал категорически. Совершенно.

– Чего тут говорить, у меня нет и не будет своих денег.

– А я не хочу жить из-за денег с кем-то. Пусть лучше у меня их и вовсе не будет.

– Ты не знаешь, что такое бедность, – осадила меня она.

Я фыркнула и добавила:

– Тогда у меня будут свои деньги. Много, много своих денег.

– Обязательно. Вот замуж выйдешь... – улыбалась мать.

Замуж. Это был самый больной вопрос. Когда я все-таки с грехом пополам и за папины деньги окончила этот ужасно скучный факультет, папа поздравил меня с получением диплома и добавил:

– Ну а теперь я выдам тебя замуж и смогу наконец от забот о твоей персоне отделаться.

– Я замуж не хочу, – категорически отказалась я, решив, что уж в этом-то я буду стоять до конца и не позволю выдать меня замуж. Мне тоже, если честно, к тому моменту страшно хотелось отделаться от отцовской опеки. Пусть мама не может рассчитывать на свободу, я-то могу. Я, слава богу, свободна и ничья.

– Что значит – не хочу? – возмутился отец. – Кого интересует, чего ты хочешь. Ты – баба, а все нормальные бабы должны выйти замуж.

– Я – не выйду! Нет! – выпалила я и впервые, наверное, за всю мою недолгую жизнь выпрямилась (а я была выше отца, он едва доходил мне до груди) и, сузив глаза, бросила ему: – И я не баба, я – женщина. Не смей меня так называть!

– Что-о! – вытаращился отец. Затем схватил меня за руку и явно собрался залепить пощечину, но я прошипела ядовито:

– Только пальцем тронь – ты меня больше не увидишь.

– А-а-а? – на этот раз несколько опешил он.

Да, тихая, вечно покорная тощая, костлявая дочь вдруг выступила, выдала то, чего от нее никто не ожидал. Я думала, он ударит меня, я думала, что мы вообще подеремся, и уже готовилась визжать, как вдруг он отступил и молча уехал куда-то по своим делам на большом черном «BMW».

Дальше пошли женихи. В основном это были молчаливые, взрослые мужчины, имеющие следы от наколок на фалангах пальцев. Они были одеты в дорогие костюмы, приезжали к нам под видом дружеского визита к папе, а меня заставляли подавать им чай. Я понимала, что происходит, но не знала, что с этим сделать. Папа не говорил, что это за люди, он делал вид, что они приехали к нему. Он просто добавлял:

– Никеш, посиди-ка с нами. Как у тебя дела? Чем сейчас интересуешься? Мать говорит, ты в Интернете торчишь целыми днями?

– Торчу, – хмуро кивала я.

– А вот Коля (Вася, Петя, Семен) тоже в Интернете разбирается.

– А вас, Николай, простите, как по отчеству? – ехидничала я.

– Меня можно звать просто – Коля.

– Я просто не могу. Вы же мне в отцы годитесь. Старость надо уважать, – как ни в чем не бывало заявляла я и смотрела на взбешенного, красного от ярости отца невинными глазами хорошо воспитанной девушки. А что? И место надо уступать старичкам. Место под солнцем.

Все это длилось какое-то время, причем могу сказать, что отец не давил на меня особенно. Во всяком случае, так, как он мог и умел давить, если ему что-то было действительно надо. Я знаю, к примеру, что одному его должнику, который по каким-то банальным причинам не смог то ли отдать долг, то ли выплатить все проценты... так вот, ему взорвали машину, в

которой должны были сидеть его жена и двое детей. Взрыв прогремел за минуту до того, как они подошли к машине, а после мой отец проводил профилактическую беседу с должником.

– Долг платежом красен. В следующий раз может и не повезти так, как сегодня. Всякое же случается. Москва – такое небезопасное место, – говорил он.

Я уверена, что деньги отец получил.

– Пусть радуется, что все живыми остались, – только и всего, что сказал мой отец, обсуждая это дело с кем-то в кабинете.

Я слушала этот разговор, я вообще много чего интересного слышала, ведь меня не замечали особо, на меня не обращали внимания. Я была любимая, дорогая, привычная вещь, часть интерьера в доме. И, слыша все, что говорилось при мне, я понимала, что, как бы ужасно отец ни обращался с матерью, с бабушкой и со мной, это лучшее, на что он способен. В целом мой отец был и есть монстр.

Игры с женихами закончились года полтора назад. Именно тогда поток неожиданных гостей в нашем доме стих, ручей иссяк. Видимо, количество относительно приличных мужчин в окружении моего отца было крайне ограниченным, скудным. Он тоже понимал истинную цену всем своим знакомым и, желая мне добра, не собирался на самом деле отдавать меня какому-нибудь старому лысому криминальному бизнесмену, который будет ужасно обращаться со мной. А конкретно мой папа не хотел, чтобы я вышла замуж за такого, как он сам.

Я уже было обрадовалась, что можно расслабиться и зажить относительно спокойной жизнью. Начала намекать отцу, что неплохо бы мне обзавестись собственной маленькой и скромной квартиркой. Я уже все-таки была взрослая. Но он только задумчиво смотрел на меня и теребил свой волевой квадратный подбородок. А потом случился Никита. И жизнь моя пришла в норму.

Никита был практически моим ровесником, старше всего на три года. Двадцатипятилетие свое Никита встретил, имея собственный «Порше», платиновую кредитку и диплом МГИМО. Он не был уродом, имел голубой цвет глаз, каштановые кудри и очень здоровый цвет лица. Мы познакомились на дне рождения одной моей подруги. Никита определенно был из очень хорошей семьи. Она жила за городом, в красивом небольшом особняке, а Никите была предоставлена уютная трешка на Кутузовском, в старом доме с какими-то гранитными мемориальными досками на стенах.

– Что это за хмырь? – спросил меня отец, когда увидел Никиту, провожавшего меня до дома с той вечеринки.

– Просто знакомый, – пожала я плечами, стараясь ничем не показать, что Никита, в общем-то, мне понравился. Не как потенциальный жених, а просто как парень. С ним было, как это сказать поточнее, прикольно. Да, прикольно. И самое прикольное в нем было то, что и он меня в качестве потенциальной невесты не рассматривал. Всю вечеринку мы с ним хохотали, подогретые изрядной долей травки. Я, вообще-то, этим не увлекалась, но Никита как-то меня уговорил, и вечеринка стала еще интереснее. Даже когда мы доехали на Никитином «Порше» до моего дома, я с трудом сдержала смех, глядя на то, как хмурится мой папаша.

– А, ну-ну. Повнимательнее с этими оболтусами. Он хоть не пьет?

– Он за рулем, – пояснила я, благоразумно умолчав о том, что Никита курит. После чего отец (надо же) отстал от меня и не задал больше ни одного вопроса. Мы с Никитой стали друзьями, принялись болтать в Facebook. Он присылал мне какие-то шуточки, песенки из Youtube. В общем, общались. Пару раз он сводил меня на премьеры в «Кодак-киномир», и особенно понравился мне тем, что не стал хватать меня там за грудь, которой у меня практически не имелось, или за коленки, об которые при определенных обстоятельствах можно было сильно ушибиться. Никите, кажется, не слишком нравились костлявые моделиобразные девушки, так что у нас вполне намечалась приятная, ни к чему не обязывающая дружба.

– Твой Никита – неплохой парень! – говорил отец, видимо, чувствуя, что от Никиты не исходит никакой реальной, существенной угрозы.

– Между прочим, Никитины родители разрешают ему жить самому, – воткнула шпильку я, все еще строя планы на светлое независимое будущее.

– Потому что Никита – мужик. Чего ему сделается? А ты – баб... девушка, ты не должна жить сама по себе. Мало ли что случится.

– Ничего, ничего не случится. Честное слово. Ну, пап!

– Разговор окончен! – хлопнул по столу он и вышел. Я надулась, но в целом жизнь была очень даже сносной. Мы с Никитой встречались почти каждый день, и он вносил ощутимое разнообразие в мою жизнь, особенно если учесть, в каком стоялом, замшелом болоте я жила. Мы ходили в какие-то новые для меня, прикольные места. Рестораны, клубы, какие-то компании позолоченной, инкрустированной кристаллами Сваровски молодежи. Никита презентовал меня всем как свою девушку, хотя по-настоящему это было совсем не так. Я не возражала. Пусть хоть чайником зовет, но лишь бы продолжалась эта вереница веселых дней. Это было хорошо, правда. Бездумное, разухабистое веселье, так прекрасно оттеняющее всю бессмысленность бытия. Я плыла по течению, абсолютно не задумываясь о сути происходящего. Меня несло, как бревно, сплавляемое по реке. Оно, может, тоже думает, что плывет само по себе, по своей доброй воле. Однако рано или поздно случится очевидное, как бы странно это ни показалось. Бревно приплывет к верфи и будет погружено на корабль, чтобы больше уже никогда не вернуться в родной лес.

В один прекрасный, на самом деле очень солнечный и ясный летний день случилось нечто для меня странное. Никита сделал мне предложение. Мы сидели в летнем ресторане, на двенадцатом этаже одной из новых арбатских высоток, пили хорошее красное вино. Никита выпил совсем немного, потому что был за рулем. Он говорил, что сейчас пить за рулем стало дороговато. В общем, мы болтали, наслаждаясь прекрасным видом на Москву. Я подставляла лицо солнцу и ветру, смотрела вниз, на машины, сквозь тонированные стекла солнцезащитных очков.

– Я думаю, нам надо пожениться! – вдруг сказал Никита, когда мы ожидали горячее.

Я повернулась к нему и, не сдержавшись, прыснула со смеху.

– Да. Это было бы просто забавно!

– Это точно, – кивнул он. – Представь нас в загсе!

– Ага, я – в белом платье, а ты в смокинге. Может, еще потом вечеринку «мини-бикини» устроить? У бассейна?

– С коксом и ананасами, – балагурил он. – А потом погонять на «Порше».

– Это просто прекрасно. Шоу.

– Так что скажешь? Воплотим его в жизнь? – спросил он, глядя куда-то в сторону, по направлению к Красной площади. Сквозь стрелу Нового Арбата с нашей веранды был виден совсем маленький кусочек красной стены.

Я закончила улыбаться и вгляделась повнимательнее в своего друга. Он что, уже что-то принял? Или все-таки вино оказалось слишком хорошим?

– Ты заболел? Тебе нужна московская прописка? – ухмыльнулась я, все еще надеясь перевести весь этот странный разговор в шутку. Нет, не подумайте, что Никита был мне как-то неприятен или были еще какие-то причины сказать «нет» такому блестящему молодому человеку из хорошей (в отличие от моей) семьи. Дело было вообще не в нем. Я совершенно, абсолютно не хотела замуж. Совершенно. Я хотела жить сама по себе. Да, я не форсировала события, я не совершала никаких конкретных действий по обретению независимости, но в глубине души знала точно, что однажды я найду способ сбросить свои оковы, уйду из семьи и буду как кошка, которая живет сама по себе. Опыт родительской собачьей, то есть, простите, семейной,

жизни отвратил меня от matrimониальных планов, заставив мечтать исключительно о «хочу халву – хочу пряники». Жизнь в одиночестве – что может быть лучше!

– Я думаю, мы идеально подходим друг другу, – продолжал нести околесицу Никита. – Мы молодые, мы понимаем друг друга, не грузим, мы сможем быть вместе и не станем несчастными. Разве это не повод пожениться?

– Ну, вообще-то, нет, не повод, – помотала головой я. Принесли перепелов, которых я, кстати, терпеть не могла. Никита делал заказ, он просто заказал две порции того, что сам любил, и все. И вот я сидела, ковырялась вилкой в глазированной перепелке и не знала, что сказать.

– Ты сама говорила, что больше не хочешь жить с предками. Ну, так вот он – ответ на все молитвы. Мы поженимся и будем жить сами по себе. Я, возможно, буду назначен в дипкорпус в Штаты. Уедем, ты вообще папашу годами видеть не будешь.

– Но... почему бы тебе не жениться на ком-то, кто тебе нравится? – удивилась я. – Ты же любишь других девушек. С попой и с большой грудью. Я уж успела это заметить, пока с тобой таскалась.

– Ты мне тоже нравишься, – сказал он таким тоном, словно перед этим слопал дольку даже не лимона – лайма. Кислым-прекислым тоном.

– Оно и заметно. Ладно, Никитка, не ерничай. Кончай Ваньку валять, лучше поехали купаться.

– Так выйдешь ты за меня?

– Нет, что ты. Если ты внезапно перегрелся на солнышке и спятил, то я еще пока нормально себя чувствую.

– Но почему нет?

– По кочану и по капусте, – с досадой фыркнула я, промокнула губы салфеткой и встала из-за стола. – Я наелась, пожалуй. Поеду-ка вообще домой.

– Смотри, я ведь серьезно говорю. Вот и кольцо! – заявил он и вытащил откуда-то из своих модных штанов бархатную коробочку.

Я от изумления застыла на месте. Кольцо действительно было дорогим и красивым, что, опять-таки, было странно. Он что, готовился к этому заранее? Думал обо мне, покупая кольцо? Писал текст, репетировал перед зеркалом? Боялся, что я скажу «нет»? Если так, то подготовился он на двойку.

– Почему ты это делаешь? – сощурилась я и, закрыв коробочку, сунула ее обратно ему в руки.

– Потому что... ну... ты и я... мы бы... знаешь, это не так и плохо, – забормотал он, отводя глаза.

– Почему ты на самом деле это делаешь?

– Что ты имеешь в виду? – фальшиво возмутился он, но голос его выдал. Голос дрожал и срывался. – Я хочу нам счастья.

– Рассказывай! – потребовала я.

– Что рассказывать?

– Всю страшную правду. Почему тебе надо жениться?

– Ну, просто я уже в таком возрасте... – начал было он, но я только фыркнула и передернула плечами.

– Ты мне еще расскажи, что ты все чаще думаешь о детях и уже хочешь попробовать себя в роли отца.

– Ну, в роли отца пока нет, – сник Никита. От волнения он даже решился закурить. Вообще-то, он вел здоровый образ жизни, то есть вполне мог обкуриться травки или выпить бутылку бренди, но с утра он пил свежавыжатый сок и не курил сигарет с табаком. Это вредно.

И с ним я тоже не курила, хотя сама по себе очень даже могла затянуться каким-нибудь «Парламентом».

– Эй, официант! – крикнул он и попросил принести ему какую-нибудь сигарету. Я смотрела на него, и предположение, которое до этого, честно, даже не приходило мне в голову, вдруг обожгло мой разум, и я побледнела.

– Мой папаша случайно не имеет отношения ко всей этой ерунде?

– Что? Нет, при чем тут твой папаша? – быстро, даже быстрее, чем надо, воскликнул Никита, но лицо его пошло пятнами, а пальцы нервно мяли художественно сложенную льняную салфетку.

Над верандой пронеслись тучи, солнце зашло за облака, я сняла темные очки, съежилась и принялась тереть ледяными пальцами усталые глаза. Я решительно не хотела в это верить.

– Почему? Зачем это тебе? – спросила я наконец. Никита, усталый и злой, прежде всего на самого себя, что так плохо справился с поставленной задачей, вздохнул и принялся сбивчиво объяснять.

– Квартира моя на Кутузовском... она, понимаешь ли... Мой предок взял кредит на бизнес несколько лет назад. Что-то там не отбилось, и он решил квартиру продать. Ну, ему так было удобнее. А мне что делать? Сидеть в их лесу и слушать птиц? Вся моя жизнь в Москве!

– Как давно это началось?

– Ну... давно, – кивнул он.

– Как именно давно? – нахмурилась я. Мне тоже захотелось курить.

– Тут ведь такое дело. Я поначалу думал тоже, что все это ерунда. Но когда с тобой познакомился, понял, что ты мировая девчонка.

– С самого начала? – ахнула я и принялась судорожно копаться в сумочке в поисках телефона. Хотя кому тут звонить? Кому рассказать, что мой отец настолько стремится все сделать по-своему, что подкупает мужчин, заставляя их жениться на мне?

– Так что мой папаша тебе предложил? – спросила я, чуть-чуть вернув себе хладнокровие.

– Не мне, а родителям. Они работают над какими-то проектами вместе и хотят породниться. Соединить, так сказать, капиталы. Но ты пойми, ты мне действительно понравилась. Ты – мировой товарищ, иначе бы я даже не стал и лезть. Мы бы с тобой прекрасно жили и не мешали друг другу. – Сомнительные оправдания, на мой взгляд.

Я повторила вопрос.

– Что именно?

– Квартиру. Он бы выплатил кредит.

– И все? – позволила себе усомниться я.

– И двести штук. Как подарок на свадьбу. Молодой семье, – добавил Никита.

– Как умно. Раз уж меня не выдать замуж насильно, надо подсунуть мне такого красавчика, как ты, и просто дать ему за меня двести штук. Кстати, не так и дорого!

– Ника!

– Все, отстань. Свободен. – Я вылетела из ресторана, как пробка, и понеслась домой, совершенно не зная, как именно я буду действовать. Я была уверена только в одном: все это безумие надо кончать. И кончать немедленно.

Глава 3

Танцуй-танцуй, детка...

Я смотрела, как по сверкающему в лучах заката небу плывут розовые облака. Кажется, такие облака называются кучевыми. Именно те облака, из которых при небольшом усилии получаются крокодильчики, зайчики и медведи. То, которое плыло мимо меня в окне, поразительно напоминало ядерную боеголовку. Интересный у меня получается внутренний мир. Или это просто все вот так навалилось?

– Вы можете еще раз повторить в точности, что именно ваш начальник сделал? – серым безэмоциональным тоном спросил меня следователь. Мужчина средних лет, лысый, одутловатый – что он может знать о том, как это мерзко, когда тебя хватают за руки и пытаются стащить с тебя блузку? Я с усилием заставила себя оторваться от ядерного облака и перевела взгляд на него.

– Он... он сначала пытался мне угрожать, а потом...

– Я вот не понял, как именно он вам угрожал?

– Он сказал, что я не соответствую должности. И что он меня уволит, если я не... – уже в третий раз я пыталась описать омерзительное поведение Мудвина в словах, и в третий раз это у меня получалось плохо.

– А вы соответствуете? – с сомнением посмотрел на меня следователь. Ни я, ни моя история ему решительно не нравились, и он не считал нужным этого скрывать. Я, честно говоря, уже и сама не рада была, что приперлась сюда, пройдя через все дурацкие формальности, заполнив какие-то талоны, всем по пять раз объяснив, кем я работаю, чем занимаюсь, какой у меня начальник и что, собственно, произошло. Я представляла себе все несколько иначе, когда вылетела из мудвинского кабинета, полная возмущения и ярости. В тот момент я не понимала, что, если оставить все так, как есть, было бы лучше. Только вот... кому лучше? Точно не мне. Мудвину? Еще один мужчина в моем личном черном списке, еще одно посягательство на мою свободу.

– Я уверена, что абсолютно ничем не отличаюсь от других сотрудников нашей компании.

– Значит, вы считаете, что он все это делал, чтобы насильно принудить вас к действиям сексуального характера? – еще скучнее произнес он.

– Да, именно так, – кивнула я.

Он помолчал, что-то рисуя у себя на листке, потом снова вынырнул из своего сонного дрейфа и спросил меня:

– Кто-нибудь может это все подтвердить?

– Ну, как же может, если никто этого не видел! – Я начинала злиться.

– То есть это только ваши слова?

– Это не только мои слова. Это и моя щека, по которой этот подлец меня ударил, – почти крикнула я.

Следователь поморщился и спросил:

– Вы ходили к врачу?

– Зачем? – вылупилась на него я.

– Определить ущерб.

– Какой ущерб?

– Физический, – вздохнул он и снова что-то приписал в бумаге. След от пощечины, к сожалению или к счастью, со щеки уже исчез. Я начала жалеть, что Мудвин не поставил мне настоящего синяка. По крайней мере, тогда не было бы никаких вопросов. Хотя о чем я, все равно бы были. Омерзительный мужлан в прокуренном кабинете на пятом этаже этой след-

ственной богадельни был совершенно уверен, что я сама во всем виновата и ничего такого, о чем я тут битый час рассказываю, не было. За те шестьдесят минут, что я сидела напротив него и отмахивалась от клубов вонючего сигаретного дыма (интересно, что он такое курит? Это надо запретить к продаже, как ядовитое вещество), я успела заметить, что у представителя органов правопорядка свое мнение и своя версия относительно происходящего.

– Я лично заявление у вас не принять не могу, но вы должны понимать, что шансов тут немного, – кисло процедил он.

– А что же нужно, чтобы шансы появились? Чтобы он меня на самом деле изнасиловал? Прийти избитой, в порванной одежде, тогда это будет серьезно?

– Вы, гражданка, успокойтесь. Не нервничайте, – фыркнул он и подsunул мне под нос исписанную убористым почерком бумагу. – Здесь вот подпишите.

– А что это?

– Ваше заявление. Хотите – прочтите, – пожал плечами он.

Я с интересом погрузилась в сухой текст. Из текста следовало, что такого-то числа июня месяца в восемнадцать часов тридцать минут по московскому времени гражданка Хрусталева обратилась в отделение милиции с заявлением о факте осуществления насильственных действий сексуального характера по отношению к ней со стороны ее начальника Рустама Вадимовича Мерзляева. Далее подробно перечислялось все, что он совершил по отношению ко мне, как-то: хватал за руки, угрожал увольнением, «нанес легкий удар в область щеки» и т.д., и т.п.

– И что дальше? – спросила я, подписав бумаги.

– Ну а чего вы от нас ждете? Что мы его посадим пожизненно? – вдруг как-то уж очень неприятно хохотнул следователь.

Меня передернуло и захотелось в ответ разбить о его голову какой-нибудь кувшин.

– Может быть, сразу же выкинуть мое заявление на помойку? – язвительно спросила я.

– Вы хотите забрать заявление? – Он даже обрадовался.

– Нет уж, не хочу. Раз уж я его подписала.

– Как хотите, – пожал он плечами и отвернулся, чтобы убрать бумагу в страхолюдный допотопный сейф с огромной замочной скважиной. – Только вы уж нашли бы другой какой способ разобраться с мужиком.

– Что? – ахнула я.

– Да то. Вы, гражданка, поймите, мы не в Нью-Йорке, у нас тут сказки про харрасмент не проходят. Что, бросил он тебя? Решила отомстить?

– Мы, кажется, на «ты» не переходили! – возмутилась я и почувствовала, как у меня начинает пульсировать висок. Голова разболелась так, что больно было даже смотреть на этого так называемого слугу закона.

– Как скажете. А только баба не захочет, кобель не вскочит, – хмыкнул он, заставив меня затрястись от ярости. – Я вас больше не задерживаю. До свидания!

Стоит ли говорить, что этого нового свидания с ним я совсем не жаждала. Проклиная все на свете, а прежде всего мужиков, я выскочила из отделения милиции. Да уж, в том, как я жила теперь, были свои минусы. Попробовал бы этот хмырь в погонах вести себя со мной таким вот образом, если бы знал, что я – это я. Да и не попала бы дочка самого Хрусталева в это заведение, потому что никому бы и в голову не пришло хватать ее за коленки. Да и не работала бы дочь Хрусталева, она только разъезжала бы по торговым центрам и массажным салонам на своей маленькой удобной «Тойоте». А не шлепала по улице в раздолбанных смешных кедах с нарисованными страусами по бокам.

Жалела ли я о так легко и бездумно брошенной сладкой жизни? Трудно сказать. Я не шла, а практически бежала по улице, плюясь и чертыхаясь, и в тот момент я бы не возражала бросить всю мощь и ярость моего отца и на этого следователя, и на Мудвина, и на весь мир. Я чувствовала себя в тот момент еще более беззащитной и ничтожной, чем когда отбивалась от

цепких лапок Мудвина. На работе, в милиции, в метро, во многих местах – я чувствовала себя совершенно пустым местом, а иначе говоря – женщиной. Или, скорее, бабой, как именовал всех женщин мой отец.

Однако почти сразу я отбросила это малодушное желание прочь. Именно мой отец и был тот самый первый мужчина в этом мире, научивший меня понимать свое место. Вся эта система вместе со всеми мудвинами, следователями, браками по расчету и морями женских слез была выстроена такими, как он, мой отец. Я ни за что не хотела бы вернуться к нему, как бы удобно это ни было. Я не хотела комфорта – я хотела только независимости, я не хотела счастья, если для этого нужно было быть чьей-то, я мечтала о том, чтобы принадлежать самой себе.

Вечер уже затемнил, затуманил голубизну небесного свода. Стало еще прохладнее, июньские ночи заставляли еще плотнее замотаться в любимый свитер. Искусственный свет витрин и неоновой рекламы ярко освещал Тверскую, смешивая и взбалтывая в бархатистый коктейль уходящий день и летящую по небу ночь. Острая грань между светом и тьмой расплывалась, терялась в людской суете, за звуками автомобильных гудков, в громком смехе людей, выходящих из маленьких кафе. Я любила это время суток больше всего. Дневной поток машин и ссутуленных, несущихся куда-то людей в запыленных костюмах уже спадал, и на мостовой появлялись пары,двигающиеся неторопливым прогулочным шагом. Часто, практически каждый вечер, я была одной из таких людей. Только я никогда не шла в паре, я всегда была одна, сама по себе, наслаждалась каждой такой минутой.

От моей работы до дома можно было доехать на троллейбусе, а можно было дойти. Отделение милиции оказалось чуть дальше, но я была только рада пройтись. Я всегда или почти всегда ходила домой пешком. Это занимало обычно около сорока минут, иногда час, если я была очень усталой или умудрилась обуть туфли на каблуке. Впрочем, я уже даже забыла, когда последний раз меняла любимые кеды на лодочки – мне нравилось одеваться просто и дешево, хотелось думать, что моя персона не привлекает к себе повышенного интереса. Правда, последний инцидент с Мудвином показал, что даже кеды не спасают женщину от ненужного внимания.

Я занимала маленькую комнату на последнем этаже в старом доме почти напротив Патриарших прудов. Да, она стояла мне недешево, особенно если учесть, сколько я зарабатывала в качестве диспетчера Call-центра, но оно того стоило. В комнате была скрипучая железная кровать с шишечками, старый шкаф с помутневшим от времени зеркалом, стул и широкий подоконник, выполняющий роль письменного и обеденного стола, а также по вечерам он становился уютным креслом у окна, с которого открывался замечательный вид. Сидя с ногами на подоконнике, можно было увидеть кусочек прудов и кружево домов на Бронных, и этот вид не мог наскучить никогда. Кроме того, квартира наша была не совсем «жилая», не совсем обычная. Ее хозяйка – Варечка – была самым невероятным человеком, которого мне посчастливилось встретить. Считается, что у каждого человека в жизни случается что-то очень хорошее, что-то, что можно было бы назвать настоящей удачей. В моем случае именно встреча с Варечкой стала этой самой фортуной. Год назад Варя практически подобрала меня на улице.

– Никуля, ты приехала? – услышала я голос Варечки на автоответчике, стоило мне открыть дверь в квартиру. – Бери тогда эту трубку, а то у меня денег на телефоне почти нет!

– Привет, – промурлыкала я, обрадовавшись ее голосу больше, чем я даже сама от себя ожидала. После этого совершенно ненормального дня я нуждалась в Варечке, она была прописана мне в качестве анестезии. – Я только что вошла.

– Что-то ты поздно! Ладно, трудоголик ты мой, скажи-ка, кто там на базе? Эндрю уехал уже?

– Кажется... да, но я, вообще-то, еще даже кеды не успела снять. Дай-ка гляну. – Я положила трубку и окинула быстрым взглядом кухню и коридор. Эндрю, французский студент, счи-

тающий себя коммунистом, что меня лично очень веселило, приезжал в Москву только ради того, чтобы увидеть Ленина. – Он уже уехал, да.

– Я скоро буду, но ты всю кровать не занимай. Кажется, приедут в ночь новенькие, – предупредила меня Варечка.

– Я так устала, что могу вообще уснуть на подоконнике, – вздохнула я, но не стала ей рассказывать все, что случилось. Не по телефону, потом.

– Ты что-то совсем заработалась, тебе надо взять отпуск! – ухмыльнулась Варечка, которая к моей трудовой деятельности относилась иронически. Иногда она специально звонила мне на работу, называла мой диспетчерский номер и дальше потешалась, слушая мою гипервежливую речь и задавая всякие провокационные вопросы типа: «А не выпить ли нам вечером?» Я бесилась, а Варечка хохотала. Впрочем, делала она так всего пару раз.

– Знаешь, насчет отпуска ты совершенно права. Отпуск мне бы не помешал, только боюсь, что он в моем случае может сильно затянуться.

– Что-то случилось? – Варечка почувствовала, что голос у меня, как говорится, не того.

– Не то слово! Просто нужна срочная психиатрическая помощь. Меня сегодня домогался босс.

– И ты была против? – искренне удивилась она.

– Ты бы знала только, какой он мерзкий. Просто как жаба.

– Понятно. – Варечка замолчала на секундочку, а потом мудро продолжила: – Там Эндрю должен был хорошего вина оставить. В серванте. Бери, пока я добрая.

– Бокал вина бы мне не помешал, – ухмыльнулась я. – Вот скажи, Варечка, а ты готова терпеть меня без квартплаты?

– Ты знаешь, как я тебя люблю, но квартплата – это святое. Без нее вся моя экономическая политика может полететь к чертовой матери, – вздохнула Варечка.

Я улыбнулась. Ее экономическая политика основывалась на наличии этой самой квартиры. Три немного запущенные комнаты в старом, практически разваливающемся доме, как Варечка говорила, «в историческом центре». Она ненавидела работать, любила спать допоздна, ходить по дому в рваных заячьих тапках и пить кофе из большой чашки с надписью «Varechka, I'm loving it». Кто ей ее подарил и при каких обстоятельствах – Варечка умалчивала. Мужчин у нее было много, даже слишком много, но она относилась к их стремительному течению сквозь ее жизнь с философским спокойствием. И ни к кому не была привязана всерьез.

– Ради того, чтобы найти ЕГО, ЕДИНСТВЕННОГО, я готова пару раз и ошибиться, – объясняла она мне, когда в очередной раз расставалась с каким-нибудь Павлушкой или Сенечкой.

– Пару раз? – ухмылялась я, а Варечка пропускала мимо ушей всю мою иронию. Она обладала удивительно крепкой психикой и очень любила жизнь во всех ее проявлениях. Кроме работы, конечно же. В солнечные дни Варечка могла часами сидеть на лавочке на Патриарших и слушать разговоры кумушек, гуляющих с детьми, а по вечерам пропадала в каких-то компаниях единомышленников. Теоретически Варечка была художником, из этих, свободных – с длинными волосами и грязными кроссовками, только что-то я ее рисующей особенно не видела. Впрочем, на стенах в квартире что-то действительно висело – яркое и странное, мало в моем представлении соответствующее понятию «живопись».

– Ты просто динозавр, – обзывалась она, когда я спрашивала, что изображено на том или ином полотне. – Это ж экспрессия, нерв.

– Нерв? Где? – еще старательнее вглядывалась я. В МГУ мы достаточно много внимания уделяли истории мирового искусства, и хотя я, скучая, большую часть курса пропустила мимо ушей, в моем подсознании осели Рембрандт и Леонардо. Кандинского я как-то не запомнила. Прогуляла, наверное. Но в сравнении с Варечкой и он был бы просто натуралистом.

– Знаешь, именно из-за таких, как ты, весь Арбат завешан дерьмовыми фруктовыми натюрмортами и дешевыми акварелями. Ты – убийца творческого начала.

– Ну, приехали, – смеялась я. – Я мешаю тебе рисовать?

– Не рисовать, а писать.

– Отлично, писать! Кто тебе мешает писать?

– У меня творческий кризис! – фыркала Варечка. – У меня конфликт с окружающей действительностью. Она слишком плоская и линейная!

– Это моя грудь – плоская и линейная, а ты ленишься. Что, трудно тебе нарисова... написать какой-нибудь пейзажик?

– Пейзажик? Боже мой, кого я пустила к себе в дом! – воздевала руки к небу Варечка. Ее смешное немного детское круглое лицо искажала гримаса подлинного (ну, почти подлинного) отчаяния. – Ты хоть понимаешь, что в нашем веке живопись больше не должна фиксировать реальность?

– Что? Почему?

– Да потому что для этого есть фотоаппарат! – заводилась Варя.

Впрочем, все это было не более чем секундным возмущением. Ее раздражение исчезало так же, как круги на воде.

В общем, Варечка жила в ожидании мирового успеха, а чтобы ожидать с комфортом, она сдавала внаем «лишние» две комнаты. Жизнь профессионального рантье она вела уже несколько лет, после смерти матери. Когда она вспоминала о маме, можно было почти воочию увидеть, как многотонный груз опускался на Варины плечи, а грусть стирала улыбку с ее лица. Она оставалась спокойна, говоря, что мать у нее была – мировой товарищ, но в ее голосе было столько нежности, что я начинала подозревать, насколько пустыми и формальными были мои собственные отношения с матерью. Варечка маму любила, я – честно говоря, только жалела. Но к моей жалости примешивалась серьезная доля презрения. Особенно сейчас, сидя на подоконнике и глядя на огни фонарей на Патриарших, я поражалась, как можно было променять свободу, право на тихие уютные вечера с самой собой на сумочки, массажистов и сомнительные радости заграничных пляжей. Все это бессмысленно, если за этим стоит грузный человек с квадратным подбородком, который в любой момент твоей жизни может вытереть о тебя ноги.

Несмотря на кажущуюся простоту и доступность, Варечка была человеком весьма своеобразным. Она выросла тут, на Патриарших, в квартире, которую когда-то получил ее дед – материн отец, зам какого-то министра по вопросам культуры. Варечка ходила в спецшколу, с детства владела английским и французским языками и знала наизусть огромное количество стихов. Часть из них были матерными и жутко пошлыми, вторая половина – лучшие сочинения Цветаевой, Пастернака и Вознесенского. Правда, матерные стихи она читала чаще и с большим удовольствием.

– Мажорская кровь мне мешает, – частенько говорила Варечка. – Уводит от народа! Вот и борюсь.

– Успешно, кстати, – смеялась я до слез от ее частушек. Ее коронная была: «Я в концертный зал попала, слушала Бетховена – только время зря пропало, ну, б..., и х...на!» Ее дед умер так давно, что Варя даже не помнила его лица. Отсоединенные от кормушки, со временем они с мамой подрастеряли былой шик, а в итоге от всего Клондайка осталась только эта вот квартира. Варя давала несколько объявлений в неделю, во всяких журналах и интернет-сайтах – на английском, исключительно для иностранцев. «Уютные частные апартаменты с полупансионом для желающих ощутить истинный вкус жизни в центре Москвы». Под столь привычным слуху иностранных туристов понятием «полупансион» Варечка имела в виду следующее:

– Можете пользоваться стиральной машинкой и холодильником. Что найдете – ваше. Что оставите – мое. – Уловка работала, а кроме того, слава о веселой Varechke шла впереди нее, и квартиру периодически наполняли реки, фонтаны и ручьи студентов, молодоженов, тури-

стов-экстремалов со всех концов земного шара. В нашей квартире можно было, встретив утро на кухне с весело щебечущими подружками-итальянками, закончить день в долгой философской беседе с немецким юнцом в удобной кожаной обуви и с потертым рюкзаком за спиной. В основном это были студенты и молодые супружеские пары, которые прилетали в город на несколько дней, щебетали на нашей кухне на самых разных языках, размахивали путеводителями и восхищались Кремлем, Новодевичьим монастырем и красивыми девушками. Последнее определение частенько, как это ни было для меня странно, относилось ко мне. Язык проблемой не являлся, Варечка говорила свободно и, кажется, даже материлась на нескольких языках мира, а я часто объяснялась жестами. Смех, атмосфера праздника, красота Патриарших прудов – все это было понятно и без перевода. Для особо любознательных на кухне всегда лежали словари и разговорники.

– Почему иностранцы? – спросила я ее как-то еще в самом начале нашего знакомства.

– С них можно драть втридорога, и они крайне редко напиваются до свинообразного состояния, – объяснила мне Варечка.

В летние дни квартира пользовалась повышенным спросом, так что мы с Варечкой делили мою малюсенькую комнатку на двоих, теснясь на скрипучей кровати. Тогда Варечка снимала какой-то процент с моей собственной платы. Но в основном она занимала комнату с балконом, а я наслаждалась своей микрорезиденцией. И ни разу, ни разу еще до сегодняшнего дня, я не пожалела, что в свое время, год назад, я не пошла на поводу у отца и не вышла замуж. Эта жизнь, хоть и сведенная к паре джинсов и одному трикотажному платью, нравилась мне больше. Правда, до этого дня мне еще не приходилось обращаться с заявлением в милицию.

– Слушай, может, ему яйца оторвать? – предложила Варечка, когда я поделилась с ней тем, что произошло сегодня на работе.

– Кому именно? – вздохнула я. – Мудвину, следователю или папаше моему? Может, еще и Никитке оторвать за компанию, чтоб уж был комплект?

– Да уж, целая яичница получается, – хмыкнула Варечка, наливая себе в бокал остатки красного вина, бутылка которого уцелела в секретере. Эндрю хоть и французский коммунист, а вкус у него отменный, у чертяки. Вино было вкусным, я выпила почти всю бутылку, пока Варечка ехала домой.

– Самое поганое, что завтра мне на работу. Даже не представляю, как я туда пойду. А что, если он опять меня вызовет? – волновалась я. – И вообще, мне теперь хочется отсюда уволиться, но я не могу представить, где прямо сейчас найти место с нормальной зарплатой.

– Можно подумать, ты зарабатываешь золотые горы! – возмутилась Варя. – Такую работу можно за три дня найти.

– Ты думаешь? – нахмурилась я. При ее решительности и уверенности в себе – возможно. При моей закомплексованности и мании преследования – это было посложнее. С тех пор как мы с Варей встретились, я, конечно, достаточно сильно изменилась. Я хотя бы перестала дергаться от каждого звонка в дверь и чувствовать постоянную слежку. Уже неплохо. И я не теряла дара речи, если меня спрашивали о моей семье. Когда Варя встретила меня на Тверском бульваре, я испытывала определенные проблемы даже с тем, чтобы попросить прикурить. Я дрожала от холода, так как почти целый день провела на этой лавочке в хлопковом платье на тесемках – единственном, что не отобрал у меня отец, когда я уходила из дома. Я помню, как влетела домой, крутя на пальце ключи от «Тойоты», и потребовала, чтобы отец раз и навсегда оставил меня и мою личную жизнь в покое, если хочет, чтобы я вообще согласилась считаться его дочерью. Это был неверный ход.

– Что? Ты, мелюзга! Языком-то не мели, а то я его тебе укорочу! – немедленно взбесился отец.

– Не посмеешь! – самонадеянно гаркнула я. – И имей в виду, я все знаю.

– Да ну! Ты что ж, как Господь Бог? – нехорошо усмехнулся он. Я говорила, что мой отец – человек весьма религиозный? Ну, во всяком случае, в его представлении, он очень даже верит в Бога. Он носит крест на груди, крестится прежде чем начать переговоры, а иногда кидает мелочь нищим из автомобильного окна.

– Я знаю, что ты подкупил Никиту, чтобы он на мне женился. Как ты мог?! – Я была возмущена, я жаждала извинений. Они не прозвучали.

– А что делать, если ты такая долбанутая! Кто тебя возьмет, с таким гонором! Ты бы хоть жрала получше, что ли? Скоро будешь в щели проваливаться, мечта бультерьера!

– Я тебя ненавижу!

– И что? Кого интересует твое мнение. Ты – моя! И пока ты носишь мои цапки, катаешь свой тощий зад на моей тачке и тратишь мои бабки – будешь делать, что я скажу. И за Никиту замуж ты пойдешь!

– Ни за что, – замотала головой я.

– А не пойдешь – лишишься всего. Имей в виду, я не шучу. Мне уже надоело потакать твоим капризам. Я думал, устрою все по-хорошему, а ты – опять туда же. Финтить? Не позволю!

– Да пошел ты со своими деньгами! Я вообще не хочу тебя знать! – разрыдалась я, а он подошел ко мне, взял за плечи, встряхнул, как какую-то тряпичную куклу, и рывкнул:

– Тогда пошла вон. На коленях приползешь.

– Не дождешься! – хлупала я. После чего у меня были изъяты: ключи от «Тойоты», кредитки и вообще весь кошелек, сумка с документами, ключи от дома и даже косметичка. Я схватила с вешалки бархатный пиджак, но отец вырвал его у меня и демонстративно оторвал воротник.

– Свихнулся? – заорала я, а отец только расхохотался и добавил:

– Если хочешь уходить – уходи. Тут твоего вообще ничего нет. Голой пойдешь!

– Что? – Я помню, как у меня от ужаса расширились глаза. Мать с бабулей сидели в комнате ниже травы тише воды и не высывались. Я могла их понять, ведь больше всего на свете отец ненавидел, когда ему сопротивлялись. Малейший намек на непокорность мог закончиться травмами разной степени тяжести. Я знала это, но никогда еще его гнев, его звериная злоба не накрывали меня с головой. Все-таки я была его единственная дочь.

– Ну что? Уже не так весело, да? – еще безумнее засмеялся он. – Без папиных бабок-то?

– Я ненавижу тебя! – крикнула я и в чем была выскочила на улицу. А именно – в босоножках и в платье на лямках. Лето же все-таки. Тепло же. А когда ты привыкла передвигаться на «Тойоте» или на «Порше» твоего друга, наличие пиджака не кажется таким важным. В тот день, совсем как сегодня, я бежала по улице, не останавливаясь, пока не сломала каблук и не вывихнула ногу. Слезы лились у меня из глаз, я отворачивалась от людей. Больше всего в тот момент я боялась именно их. Я просидела несколько часов, как парализованная, на скамейке в парке, совершенно не зная, что делать дальше. Пока ко мне не подошла она – Варечка. И, честное слово, я понятия не имею, что бы я делала, если бы не она!

Глава 4

Материальная девушка

Что придется увольняться, мне стало совершенно ясно, как только я пересекла порог родимого гадюшника следующим утром. Еще лежа в кровати, я осознала, что работать под руководством Мудвина не представляется возможным. Вопрос, собственно, состоял не в том, что делать, а в том, как заставить себя встать с кровати. Вся моя с таким трудом выстроенная самостоятельная жизнь трещала по швам, а я лежала в кровати, слушала «Бухенвальдский набат» моего будильника и изобретала поводы, чтобы на работу не пойти.

«Что мне там делать?» – думала я, теребя пальцами ноги кошку, улегшуюся прямо мне на щиколотки. Если верить некоторым, кошки вот так бухаются только на тех, кому плохо, кому нужна срочная кошачья помощь. Мне нужна была реанимация, так мне не хотелось шевелиться и особенно думать. Чтобы жить – надо работать, это я за прошедший год усвоила четко. И существование без гроша в кармане мне не нравилось совершенно. Однако все-таки придется уволиться, потому что, только представьте, какими глазами теперь на меня все будут смотреть. Устроила безобразную сцену, вынесла сор из избы. В милицию побежала, дура.

«Не пойду!» – подумала я и перевернулась на другой бок.

«Чтобы уволиться, надо пойти на работу. Ты хочешь проблем?» – сказала я самой себе. Здравый смысл, а заодно неприятные воспоминания о блуждании по городу без денег заставляли сохранять объективность. Проблем я не хотела, но, боюсь, они хотели, жаждали меня. Я выползла из-под одеяла, смахнув кошку, и поняла, что ко всему прочему у меня еще и мигрень. Головная боль наступала откуда-то изнутри, просочилась сквозь виски и словно разломила лицо напополам.

«О-о-о!» – простонала я, добравшись до кухни. Слава богу, никого из лиц иностранного происхождения в кухне не наблюдалось, я была одна. Только стиральная машинка крутила чьи-то вещи, надрывно гудя. Машинка у нас с Варечкой была старая, Ленина выдавшая, на ладан дышащая. Странно было, что она до сих пор еще не развалилась, особенно учитывая, сколько людей стирало в ней свои запыленные одежды. Включая меня. Теперь я уже отлично справлялась со всей этой бытовухой, хотя, надо признать, так было не всегда.

* * *

Помню, когда я только появилась на Патриарших, Варечка поручила мне большую стирку. Она тогда еще не отдавала отчета в том, насколько я бесполезна, а я боялась ее разочаровать, так что старательно делала вид, что от меня может быть много пользы.

– Белье, скатерти, полотенца. И вот из этой корзины всякую мою дребедень. Сетка в шкафчике, – пояснила Варечка и упорхнула на какой-то пленэр. Под пленэрами понимался совместный выезд альтернативно-богемной общественности на чью-нибудь дачу с этюдниками, палитрами, маринованной в луке бараниной и ящиком коньяку. Пленэры Варечка очень уважала, считала, что именно на них она больше всего растет как художник. Не знаю, так ли это, а только приезжала с пленэров она такой мятой и измотанной, что становилось понятно – человек пахал, человек устал. У человека даже кисти от такой нагрузки в руках трясутся.

Я стирала до этого раза два в жизни, и то в качестве элемента детской игры «Дочки-матери». Да-да, я тоже играла в куклы и терла куклино платьишко по детской стиральной доске странного вида, сидя в детской ванночке. Теперь же передо мной стояла реальная задача, и я решительно намеревалась с ней справиться.

Объективно, я старалась сделать все как надо. Я собрала вещи, что предназначались для очистительной процедуры, в одну кучу, с трудом вычислила ее примерный вес безменом, затем, старательно вчитавшись в инструкцию на стиральном порошке, попыталась понять, сколько его надо и куда его класть. Затем встала перед почти неразрешимой проблемой – как поставить программу и какую из них мне, собственно, надо.

«Надо идти по логическому пути», – подумала я и присмотрелась к надписям на самой машине. Там, наполовину стертые от времени, значились надписи: «очень сильное загрязнение», «среднее загрязнение», «легкое загрязнение» и «экспресс». Еще значились какие-то цифры и знаки, но они логическому взлому не поддавались, так что я не стала на них заморачиваться. Осмотрев свою кучу, в которой имелись как очень замызганные кухонные полотенца, так и относительно чистое нижнее белье, я пришла ко вполне логическому выводу о том, что вещи передо мной весьма и весьма «очень сильного загрязнения». И вообще, чем больше стирки, тем чище бобик. В общем, я затолкала вещи в барабан и нажала кнопку. Ни на секунду у меня не возникло сомнений, я даже не задумалась о том, что означала Варина фраза о «сетке в шкафчике». Про то, что нижнее белье стирается отдельно и в специальном мешке, мне и в голову прийти не могло. Я тогда вообще только что сбежала из мира, где булки растут из витрин магазинов, а пицца добывается кредитками.

В общем, я справилась с задачей: вещи пошли весело крутиться по самой интенсивной программе при девяносто пяти градусах батюшки нашего Цельсия. С чувством выполненного долга стряхнув с усталых рук остатки порошка, я торжественно отбыла пить чай на своем окне, а машина в течение двух с лишним часов производила массовую экзекуцию натуральных и синтетических тканей. Результат ошеломил не только меня!

– Wow! – только и сказал очередной жилец-иностранец, присутствующий при выемке белья. Он в тот момент употреблял на кухне яичницу и наслаждался «вкусом настоящей России в самом сердце столицы». Я же молчала, остолбенев. У меня лично порошу не хватило даже на «Вау!». Только разве что на сдавленный писк. Все белье приобрело ровненький розовато-серый оттенок, с вкраплениями красных линий на местах сгибов. В моем паникующем мозгу замигал красный сигнал опасности, я задергалась и забилась в истерику.

– Что ж это! – восклицала я, перебирая утраченные материальные ценности, большая часть из которых в тот же вечер перекочевала на помойку. К Варечкиной чести надо сказать, что она, узрев этот акт вандализма, лишь сжала зубы и сказала:

– Предупреждать надо, что ты совсем Белоснежка!

– Я... я... никогда в жизни... – мямлила я.

– Мое белье! – с болью в голосе воскликнула она, но, переведя взгляд на меня, вздохнула и сказала сакраментальное: – Не трусами едиными жив человек. Хоть даже и шелковыми.

– Прости! – бормотала я, боясь, что сейчас меня выставят обратно, на мороз... ну, в смысле, на улицу. Даже на летних просторах города жить одинокой пугливой девушке не представлялось возможным. Сейчас я невольно улыбнулась, вспоминая, насколько бесполезной и нелепой я была тогда. Зная поименно все рестораны в центре города, я не умела элементарного – почистить картошку или вымыть посуду. Я умудрялась захлопывать двери, стоя без ключей, терять газеты и счета, проливать на себя кипяток из чайника... В общем, кто-то еще сомневается, что решение подобрать меня было для Варечки исключительно актом доброй воли, а не способом заработать? Я – нет.

* * *

На кухне никого не было, машинка крутила чьи-то штаны, а я не хотела на работу просто до слез. Однако здравый смысл взял верх, и я, выпив таблетку, которая почему-то совершенно

не помогла, отправилась на свою голгофу. Вот ведь странная вещь – за коленки хватал Мудвин, а головная боль у меня. Во всех смыслах этого слова.

На работе было тихо. Я опоздала минут на десять, но этого, кажется, никто не заметил, кроме моей соседки, сегодня – девушки по имени Лиля, которая была известна тем, что умела одновременно говорить по телефону с клиентом и переписываться на своем личном аппарате с молодым человеком. Лили вчера в офисе не было, и, похоже, она не знала о той драме (если можно так сказать), которая тут разразилась. Она равнодушно улыбнулась мне и отвернулась к своему телефону. На столе у нее стояла фотография молодого человека. За год это была уже третья фотография с молодыми людьми, причем люди были разными, а ракурс один и тот же. Залитый солнцем пляж, Лили в еле заметном купальнике (либо на лыжах) стоит в объятиях мужчины и широко улыбается. У меня вообще возникло ощущение, что она меняет молодых людей сразу после того, как съездит с ними в отпуск.

– Приветик, – кивнула я в ответ и покосилась на остальных. У нас тут работали самые разные люди: очень молодые девочки, учащиеся вечерних отделений вузов; престарелые мамыши, имеющие на фотографиях внуков и собак; молодые парни, которых вообще неизвестно что держало в подобном месте, разве что только лень; пенсионеры, старательно держащиеся за этот приработок. Было несколько девушек восточной национальности – их взяли специально, чтобы объясняться с их соплеменниками, которые, хоть и не знали русского практически совсем, тоже звонили и хотели подключить WiFi. Все, что нужно было работодателю, – это хорошие голосовые данные и так называемая стрессоустойчивость. Как оказалось, именно с этим у меня проблемы.

– Хрусталева? Ты чего вчера тут устроила? – подскочила ко мне одна девчонка, бросив ради такого дела даже рабочий пост. Я вздохнула и подумала: началось.

– Мудвин... он уже пришел?

– Еще нет. Его величество задерживается. Так что, он тебя изнасиловал, что ли? Прямо тут?

– Ну... не совсем, – растерялась я. Казалось бы, с момента совершения преступления прошло совсем немного времени, а грязные подробности уже переросли Эверест.

– Чуть-чуть, что ли? – хмыкнула она.

– Он... попытался, ну... схватить... В общем, я даже не знаю, как объяснить.

– Надо же! – хмыкнула она, с интересом осмотрев мои костлявые конечности. По ее взгляду я поняла, что она так и не нашла во мне того, что можно было бы хотеть схватить.

– Ладно, знаешь, я... – Тут я сделала неопределенный жест рукой и подалась к компьютеру. – Я лучше поработаю пока.

– Да ну, зачем. Хочешь совет? Попроси у него прибавку. Даст, сто пудов.

– Спасибо, – искусственно улыбнулась я, и она наконец отбыла.

Пока за моей спиной шушукались и шептались, я пыталась привести мысли в порядок и как-то подсобраться. Отвечая на звонки, я краем глаза прошерстила сайты, предлагающие трудоустройство, но голова болела так сильно, что сосредоточиться на чем-то было просто невозможно. А где-то после двенадцати часов в офис влетел Мудвин, и сразу стало понятно, что прибавку просить бесполезно.

– Ну, Хрусталева, ты... ты... я тебя... в порошок! – выдавил он, едва увидев меня на рабочем месте, и пронесся в офис. Я побелела и почувствовала, что руки у меня дрожат совсем как у Варечки после пленэра. Мудвин был красным, вспотевшим и взбешенным. Чем – было понятно. Видимо, мой сигнал все-таки не оставили без проработки. Доблестные представители закона все-таки отреагировали, проявили бдительность. Тем более что я сама дала им все координаты Мудвина. Сдала, как говорится, все явки и пароли.

– Ну, ураган! – выдохнула Лили, которую тоже немного зацепило вихрем от мечущегося в ярости Мудвина.

– Я увольняюсь, – прошептала я, вскочила и первым делом побежала в отдел кадров. Заявление писать. Однако дописать мне не дали. Мудвин, не найдя меня на рабочем месте, позвонил кадровикам, и через пару минут я стояла перед ним, в его кабинете, снова. Но на сей раз на его лице сексуальной озабоченности не было и следа. Ни боже мой!

– На что ты вообще рассчитывала? – спросил он после пятиминутной паузы.

Я стояла и чувствовала, как головная боль заливает меня до краев. На что я рассчитывала? На то, что справедливость восторжествует. На то, что голова пройдет.

– Я... не знаю, о чем вы.

– О том. Хрусталева, ты что же это, свихнулась? Я к тебе пристава? Я, женатый человек, с прекрасной репутацией. Ты сколько выпила-то перед этим?

– Я – выпила? – вытаращилась на него я.

– Да ты была вообще невменяемая. В обед, что ли, перебрала? – Он продолжал нести эту странную, совершенно несусветную чушь.

– Я вообще не пью, – слабо ответила я, стараясь не качать головой, чтобы не усиливать боль в лобной доле.

– Что ты говоришь! А я сразу понял, что ты вчера просто пьяная была. Полный неадекват, представляю, как ты говорила с клиентами. Придумала черт знает что, в милицию побежала? Что, думала, обвинишь честного человека хрен знает в чем, и все тебе сойдет с рук? За что ты меня пыталась подставить?

– Я не пыталась, – простонала я.

– Может, у тебя на меня зуб? Пыталась свести счеты? – громко и четко спросил он, а я обратила внимание, что дверь в его кабинет закрыта не слишком-то плотно.

– Я написала все, как было.

– Интересно-интересно. И как, по-твоему, что-то там было? Поделись уж со мной! – Он переигрывал, картинка смазывалась, но я с трудом могла даже думать, не то что говорить.

– Вы... ну, схватили меня. Это... это же недопустимо.

– Я тебя схватил? – преувеличенно ахнул он и вскочил со стула. – Да ты просто на ногах не держалась, вот я тебе помог не упасть. А ты, значит, решила, что это был... как его – харасмент?

– Я вас не понимаю! – Я чувствовала, что все происходящее идет не само по себе, во всем этом был какой-то неясный смысл, какой-то сценарий, но уловить его, определить его я не могла. Понятно, что он защищался. Понятно, что ради сохранения своей мерзкой шкуры готов был утопить меня. Только вот в чем и как именно он собирался меня топить?

– Да как ты смеешь! Нет, раз так – я просто не могу разговаривать с тобой один на один. Чего доброго, ты меня обвинишь, что я тебя прямо сейчас избиваю, или еще какую наглую ложь придумаешь. – Он метнулся к двери и через пару секунд притащил, видимо, заготовленную заранее кадровичку, бледную и пунцовеющую от неловкости пятнами Софию Сергеевну. – Вот, при ней будешь говорить. Чтобы потом ничего не переврала.

– Послушайте... – Голос мой неожиданно охрип и надломился. – Вы же ведь действительно ко мне приставали. Я не вру!

– Ну и что? – спросил он Софию Сергеевну, совершенно проигнорировав мои слова. – София Сергеевна, вы видите? Что я вам говорил?

– Рустам Вадимович, я все понимаю. – Она бормотала еле слышно, косясь на меня, как на прокаженную.

Я прикрыла глаза ладонью и попыталась сосредоточиться.

– Вы понимаете, что я просто не имею права оставить это вот так? – продолжал нести какую-то околесицу он. Я не понимала даже, о чем они говорят.

– Может быть, все же по собственному? – София Сергеевна явно пыталась решить дело миром.

– Опозорить меня и просто соскочить? А я с таким пятном буду всю жизнь жить? Это же позор!

– Это же не я вас позорила, вы сами... сами, – добавила я, но его партия была подготовлена, отрепетирована и сыграна от первой до последней ноты, я же фальшивила, как старый, простоявший в холоде и сырости рояль. К тому же я еще совершенно не понимала, к чему он ведет, а если бы понимала, то прямо там выбросила бы его в окно. Хотя у нас же даже окна были заблокированы, чтобы не мешать кондиционерам раздувать мороз и стужу по офису.

– Ты с самого начала была интриганкой. Не надо было тебя брать. Образования – нет.

– А диплом МГУ?! – удивилась я.

– А, что там! – Он легко отмахнулся. – Историк? Да уж, вы разбираетесь в историях. Вы умеете закрутить историю, да? Думали, добежите до милиции, и вас на руках понесут?

– Я думала, что живу в стране, где честь женщины можно каким-то способом защитить!

– Честь – можно. Только при чем тут ты? – сказал он, и слова его против, наверное, воли прозвучали слишком грубо. Даже кадровичка как-то задержалась. Мудвин тоже дернулся, воровато на нее посмотрел и осекся.

– В общем, как я и говорил, за этот навет вы ответите. Отдельно ответите. Я еще подам на вас в суд за клевету. – Он пыжился, но уже сейчас было понятно, что это он так, для проформы. Просто читает соответствующий роли текст.

– Отвечу, отвечу, – устало кивнула я.

– А пока – вы уволены! – прокукарекал он вслед.

– Вот и славно. – Я выдохнула, мечтая только об одном: выбраться из этого ужасного места, из этого ужасного офиса. А потом отдохнуть, отоспаться и начать новую жизнь.

– Пусть даст объяснения! – прошелестела кадровичка, дернув Мудвина за рукав.

– Ах да. Изволь-ка нам объяснить, как ты посмела вчера явиться на рабочее место пьяной?

– Что? – окончательно изумилась я.

– Только вот не надо. У тебя даже сейчас еще наблюдаются признаки похмелья. Утро добрым не бывает, да? Сейчас будем освидетельствование проводить! – крикнул он.

– Я вчера не пила! – воскликнула я раньше, чем осеклась в испуге. А ведь я как раз вчера пила. Почти бутылку эндрюшевского вина, почти всю в одиночку. Расслабиться захотела, блин. Теперь какое, на фиг, освидетельствование! Конечно, что-то там обязательно будет. Дура, дура!

– Что краснеешь? Правда глаза колет? – моментально поймал мое настроение Мудвин.

Я стояла и молчала, просто не зная, как вообще себя повести. Я сама, по собственной дури дала ему в руки козырь, от которого даже не знаю теперь как отбиться. Боже, как глупо, как глупо!

– Чего молчишь? – продолжал злорадствовать он. – Может, пивка? Думала, все тебе сойдет с рук?

– Рустам Вадимович?! – София Сергеевна робко пыталась хоть как-то остановить разбушевавшегося Мудвина. Ей весь этот скандал тоже был на фиг не нужен, но начальник не собирался останавливаться. Он решил размазать меня, и чем грязнее, тем лучше. Уничтожить следы собственного скотства, вымазав меня в грязи. Я стояла и смотрела на него, прямо в глаза и вдруг мне стало невыносимо смешно. Истерика, конечно. Все мы люди.

– Что, вызываем органы? Пройдешь освидетельствование, чтобы уж не было ко мне претензий, а? Ты же так любишь милицию. Можем даже тех же самых ребят из отделения вызвать, они будут рады. Они мне звонили. Кстати, они-то тебя сразу раскусили.

– Да что вы? Прямо раскусили? Ай, молодцы! – Я еле сдержалась, чтобы не рассмеяться. Какой цирк.

– Ладно, хватит. – Мудвин вдруг посерьезнел. – София Сергеевна, вы подготовили акт?

– Ну, да, – безо всякого энтузиазма кивнула та. Я увидела, что в руках она держит какие-то бумаги.

– Так, ну что. Свидетель у нас есть. Ты будешь объясняться? Вчера ты была неадекватна, а сегодня-то хоть, может, немного совесть проснется.

– У меня? – уставилась на него я. Кажется, я даже не мигала. У меня возникло полнейшее ощущение, что я нахожусь в заповеднике ядовитых змей. Как его там называют – в террариуме. И что по какой-то дикой случайности меня забросили, закрыли, и теперь вокруг меня пляшут змеи.

– А у кого? Так, значит, от освидетельствования ты отказываешься? Милиции не хочешь?

– Нет, не хочу! – помотала головой я. Что и говорить, милиции с меня и вчера хватило. Вот уж точно, не надо было туда ходить.

– Отлично. Так и запишем. Объяснений, как я понимаю, ты давать тоже не будешь?

– Нет, не буду. Вам – точно не буду.

– И не надо. – Он помотал головой, удовлетворенно закивал и что-то там у себя пометил. Кадровичка хоть и смотрела на меня с неким подобием сожаления, а что-то тоже отметила в акте, после чего сказала, что я могу быть свободна.

– Две недели вам отработать? – хмыкнула я.

– Ну что ты! – Мудвин растянулся в раблепной улыбке. – Ты иди лечись от алкоголизма. Мы уж как-нибудь сами.

– Вот и распрекрасно! – облегченно выдохнула я, потому что к концу этого дикого, невозможного фарса я уже ни о чем другом не могла думать, кроме как о головной боли и гудении в висках. Мигрень, моя давняя проблема, сопровождавшая все мои нервные стрессы, – она, как предатель, лишила меня возможности мыслить ясно.

* * *

Я выскочила из мудвиновского офиса на воздух и еще долго стояла, провожая глазами проезжающие мимо машины. День только начался, а для меня уже все было кончено. Я совершенно не представляла, что буду делать дальше. Я подумала, что справлюсь, конечно, как-нибудь. Москва большая, работа найдется. Нашла этот мутный офис, найду и другой. Много ли мне надо? Варечкина квартплата и некоторые деньги на еду. Три зернышка в день. Иногда пирожок.

Конечно, до этого у меня были куда более амбициозные планы. Где-то в глубине души я хотела иметь деньги, настоящие деньги, уж точно не такие, какие мне платили в этой дурацкой конторе. Я питала себя уверенностью, что когда-нибудь я найду способ заработать по-настоящему хорошие деньги, такие, которые помогут мне никогда не попадать в подобные ситуации. Но пока, пока я не позволяла себе думать о светлом будущем. Надо было заняться сомнительным настоящим. Через неделю после этого сюрреалистического увольнения я получила из отдела кадров какой-то длинный акт, а также трудовую книжку, в которой, к моему дикому удивлению, значилась запись: *«В соответствии п. «б» п. 6 ст. 81 ТК РФ уволена за пьянство на рабочем месте»*. Сказать честно, к этому я совсем не была готова.

Глава 5

О вкусной и здоровой пище

Дешевая пластмассовая кофеварка шипела и плевалась, выдавая из себя по капле сомнительную бурую жидкость. Я переливала ее из стеклянного кофеварочного чайника себе в чашку, не дожидаясь, пока кофеварка закончит шипеть, и пила кофе, как воду – большими глотками, не обращая внимания на вкус. Кофе горчил, как и положено, а сахара все равно в доме не было. Такие стратегические продукты, как сахар, соль, масло, молоко, заканчивались в самый неподходящий момент, а покупали их мы с Варечкой крайне неохотно. По принципу, все равно сожрут, так что можно и до послезавтра подождать. Авось кто-то не выдержит без сахара или туалетной бумаги да и купит их сам. Будет одной проблемой меньше.

– Сколько чашек ты уже высосала? – поинтересовалась сидящая на стиральной машине Варечка. Она уже несколько часов следила за мной с интересом натуралиста.

– Не знаю. Мне все равно.

– Просто интересно, ты как себя чувствуешь?

– Прекрасно. Просто, блин, лучше всех, – фыркнула я, нервически постукивая по столу.

– Ночью что делать собираешься?

– В каком смысле? – удивилась я. – А что, есть предложения? На панель не пойду, даже чтобы оплатить тебе за постой.

Тут Варечка расхохоталась, слезла со стиральной машины и под села ко мне.

– Логика у тебя, девушка, работает великолепно. Я имела в виду, ты с этого кофе должна теперь, по моим подсчетам, неделю не спать.

– Ну и ладно.

– Может, просто не будешь показывать никому эту дурацкую трудовую книжку, и все?

– Конечно, не буду. Думаешь, есть на свете работодатель, который возьмет к себе пьяницу? – Я размахивала руками действительно гораздо активнее, чем обычно. Все-таки нельзя было злоупотреблять кофеином.

– Я люблю пьяниц, – пожала плечами Варечка. – Они поэтичны и смотрят на жизнь философски. Один мой знакомый, очень интеллигентный, кстати, мужик, только легко переходит на мат... но не в этом дело. Он когда выпьет, всегда звонит всем своим бывшим девушкам и просит их вернуться. Прямо по списку звонит, согласно алфавиту.

– И тебе звонит?

– Ну а как же. Я, как ни крути, третья в списке. До меня только А и Б, но на Б у него только одна девушка, и ей он не звонит.

– Почему?

– Потому что ее зовут Жаннет. Ну, то есть она сама именует себя Жаннет. Может, она вообще какая-нибудь Фрося, кто знает.

– А почему она тогда на Б? – удивилась я.

– Дай-ка подумать, почему она на Б? Он, когда еще не переходит на мат, называет ее «жрицей свободно конвертируемой любви». В простонародье бл...

– Я поняла, можешь не продолжать, – усмехнулась я.

Варечка вздохнула:

– В общем, после буквы А он сразу звонит мне. Говорит, что вместе со мной из его жизни ушла муза, что я снилась ему в прозрачной тунике, скачущая верхом на единороге.

– Символично.

– А то! После коньяка он мне читает по памяти Цветаеву. «Быть нежной, бешеной и шумной...» – Варечка томительно вздохнула, потом хмыкнула и продолжила: – Ну а если после спирта, то Есенина или Маяковского. Отлично, кстати, читает.

– И что? Ты к нему возвращалась?

– Неоднократно. Знаешь, я думаю, в твоем детском возрасте ты сможешь легко начинать карьеру с чистого листа еще раз пять. Выкинь эту трудовую и забудь.

– Я только не понимаю, как это вообще могло со мной случиться?

– Надо было не пить этого французского вина. Это все Эндрю виноват, на самом деле все беды всегда от коммунистов. Такие уж они, у них аура такая – революционная. – Варечка философствовала, наматывая на палец кончик длинной светло-рыжей пряди волос.

– Французы, – согласилась я.

– Газетки видела? – аккуратно поинтересовалась она, вынимая чашку с кофе из моих рук.

– Видела. – Я вздохнула, понимая, что контактов с внешним миром все-таки не избежать. Варя хоть и любит меня, как сестра (двоюродная скорее), а жить долго бесплатно не даст. Покамест она подсовывает мне бесплатные газетки с объявлениями о работе, но скоро начнет и более серьезные атаки. Так что вариантов у меня было немного. Либо пойти на поклон к отцу, к чему я не была готова категорически, либо найти работу. В общем-то, оба варианта нервировали меня и заставляли искать ближайшую кучу с песком – чтобы засунуть в него голову. Если вдуматься, из чего состояла моя жизнь? Двадцать два с лишним года ничегонеделания, заполненного только страхом перед криками и скандалами, состраданием к матери и желанием вынырнуть наружу из гнилого болота, и один год условно самостоятельной жизни, в результате которого меня увольняют за пьянство. При одной только мысли о том, что бы сказал обо всем этом отец, меня корежило. Как жить дальше – я понимала с трудом.

– Звони по всем объявлениям подряд, – дала мне инструкцию Варечка. – Вечером поговорим.

– Специалист без опыта работы опять. – Я поднялась с насиженного стула и обреченно прошла в коридор. Стопка пестрых газет лежала под зеркалом, принесенная заботливой Варечкиной рукой. Я ее понимаю, она уже неделю глядит на то, как я слоняюсь по квартире, уклоняясь от суровой реальности всеми доступными мне способами. Я стараюсь быть полезной, мою полы, слежу, чтобы наши иностранцы не ходили по дому в обуви. Я вытираю пыль, варю кофе (последний, правда, сама же и выпиваю)...

– Мне это все не надо. Ты должна жить дальше, а не пугаться дневного света, как вампир, – возмущалась Варечка. Она хотела мне добра.

– Менеджеры по продажам forever, – бросила я, скрываясь в своей комнате с радиотелефоном в руках. Этот обзвон «работодательных» газет не был для меня первым, я прекрасно знала, что меня ждет. Курьеры, продавцы, страховые агенты – вот, наверное, девяносто процентов нашего потенциального рынка труда. Год назад мне потребовалось недели три, чтобы найти место с нормальной, гарантированной зарплатой. Пусть с маленькой, но верной. И даже за эту зарплату требовали где знания английского языка, где пресловутого опыта. Тогда, год назад, мне повезло, что наша фирма (теперь уже, правда, не моя) открывала новые Call-центры и одновременно набирала кучу сотрудников. А то, при моем одном только русском да отсутствии опыта, пролетела бы я мимо.

Ситуация за истекший период изменилась не сильно. Я провела пару часов, копаясь в ворохе газетных страниц, и только лишний раз убедилась, что все зазывают и ищут только тех, кто готов работать на процент. Историков, пусть даже и из МГУ, никто не искал в принципе.

– Черт-те что! – злилась я, даже не зная, записываться ли мне на собеседование по вакансии «работа с клиентской базой, продажа окон из ПВХ». Из всей газеты мне удалось нарыть буквально парочку более-менее приличных вакансий администраторов, и все. Оставался только один раздел, который до сего дня я обходила стороной. Я просто перелистывала

эту страницу и делала вид, что этого раздела не существует. Почему? И чем мне так досадили секретари? Ведь, по сути, я вполне могла бы подойти на эту работу. Внешность у меня презентабельная (если не надевать кеды и джинсы), навыки работы с оргтехникой имею. Кофе тоже сварю. И зарплату можно найти повыше, будет оставаться даже на отпуск где-нибудь в Турции. Однако даже сейчас я медлила, стараясь придумать, как бы туда не позвонить. А перед глазами стоял мой отец в дорогом костюме, пьяный, с красным лицом.

– Что ты можешь? Работать? Не смейся. Кем ты можешь работать? Пойдешь в секретутки? Да тебя с твоей тощей задницей и не возьмут.

– А что, никакой другой работы, думаешь, нет?

– У баб только одна работа, – хохотнул он, исчерпывающе пояснил, какая именно, и добавил, что уважающая себя баба этим занимается с мужем, а секретарша – еще должна и кофе варить. Еще одна милая деталь нашего «душевного» общения, обмена опытом поколений. От одной мысли, что я, как он и говорил, буду искать работу секретаря, меня выворачивало. Однако, кажется, у меня не осталось вариантов, выбор был невелик. Бегать по городу, продавая страховки, или набрать номер и записаться на собеседование. Секретари так секретари. Может быть, у меня еще будет босс – женщина. Или вообще, я могу устроиться секретарем целого офиса, варить кофе всем и метаться между телефонами. С моим опытом телефонной работы это было вполне реально. Ах, я совсем забыла. Про опыт работы надо забыть. Я – новичок, начинающая и все такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.